

Джонатан
Келлерман

ЖЕРТВЫ

Бестселлер New York Times

Эти психолог и коп – самый оригинальный
детективный дуэт со времен Холмса и Ватсона.

Forbes

Алекс Делавэр

Джонатан Келлерман

Жертвы

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

Келлерман Д.

Жертвы / Д. Келлерман — «Эксмо», 2015 — (Алекс Делавэр)

ISBN 978-5-04-098591-3

Джонатан Келлерман – один из самых популярных в мире писателей детективов и триллеров. Свой опыт в области клинической психологии он вложил в более чем 40 романов, каждый из которых становился бестселлером New York Times. Практикующий психотерапевт и профессор клинической педиатрии, он также автор ряда научных статей и трехтомного учебника по психологии. Лауреат многих литературных премий. Между убитыми нет ничего общего. Скромная бухгалтерша и любвеобильная разведенка, сколотившая приличное состояние на азиатском ширпотребе. Но обеих постигла одна и та же участь: изысканная предсмертная трапеза и жестокая гибель. Чутье детектива Майло Стёрджиса и психолога Алекса Делавэра подсказывает – это извращенный почерк нового серийного убийцы...

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-098591-3

© Келлерман Д., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	21
Глава 4	27
Глава 5	36
Глава 6	45
Глава 7	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Джонатан Келлерман

Жертвы

Посвящается, конечно же, Фэй

© Перевод на русский язык. Самуйлов С.Н., 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Глава 1

Мой самый близкий друг, лейтенант из убойного отдела, отказывается считать, сколько убийств ему довелось расследовать. Говорит, что, мол, ностальгия – для неудачников. По моим приблизительным прикидкам, получается сотни три.

Большая их часть – тошнотворная смесь трагического и обыденного.

Двое пьянчуг забивают друг друга до смерти под гиканье и улюлюканье стоящих вокруг одурманенных алкоголем свидетелей.

Случайный тычок ножом или ружейный выстрел ставит точку в домашней перебранке.

Сопляки, которым и брить-то еще нечего, хватаются за оружие – от древней мелкокалиберки до полуавтоматической винтовки военного образца – и палят из ржавых, ободранных малолитражек.

К моей двери Майло Стёрджиса приводят «другие».

Так, он ни разу не упомянул при мне Кэтрин Хеннепин, убийство которой квалифицировалось достаточно легко. И теперь стоял в моей гостиной в девять часов утра – в куртке-ветровке пыльного цвета и коричневых полиэстеровых брюках из другой эпохи, держа в лапище оливковый кейс. Бледный, с рябоватым лицом и черными безжизненными волосами, которым не помешала бы окантовка, он выглядел помятым и согбенным, как носорог, потерпевший неудачу в схватке с альфа-самцом.

– Доктор, – проворчал Майло. Это обращение обычно свидетельствовало, что он пребывает в настроении либо веселом, либо удрученном. Удобно.

– Доброе утро, – сказал я.

– Да, очевидно, так. – Майло устало потащился мимо меня в кухню. – Извини.

– За что?

– За то, что предлагаю стакан теплого, «засвеченного» пива. – Остановившись рядом с холодильником, лейтенант опустил на стул, щелкнул зубами и, по-прежнему избегая зрительного контакта, открыл свой зеленый кейс. На свет появилась синяя папка с кольцами, идентичная многим другим, которые я уже видел.

Судя по этикетке, дело Хеннепин К. Б. было открыто два месяца назад.

– Да, да, – подтвердил гость, отводя глаза. – Надоедать не стал, поскольку случай представлялся очевидным. И не жди от меня советов, – рявкнул он.

Он ждал. Я читал.

Кэтрин Белль Хеннепин, тридцати трех лет, работавшая счетоводом в семейной бухгалтерской фирме в Шерман-Оуксе, была обнаружена задушенной и заколотой в спальне своей квартиры в Западном Лос-Анджелесе. На фотографии крупным планом из водительского удостоверения я увидел женщину с тонким лицом, чистыми чертами, светло-каштановыми волосами до плеч, приятной улыбкой и веснушками, которые четко зафиксировала камера Департамента транспортных средств. Печальные глаза, подумал я, но это суждение уже было, возможно, предвзятым.

Понятно, почему Майло добавил фотографию: хотел, чтобы я воспринимал женщину как личность.

Хотел напомнить об этом и себе самому.

* * *

Вокруг странгуляционной борозды заметна розоватость и мелкие капли крови, но пролилось и разбрызгалось ее намного меньше, чем можно ожидать при тридцати шести колотых

ранах, и это дало основание предположить, что убийца сначала задушил жертву и только потом пустил в ход холодное оружие.

Несколько капель крови и затоптанный участок коврового покрытия свидетельствовали о том, что нападение произошло в коридоре, возле кухни, после чего Кэтрин Хеннепин втащила в спальню. Преступник бросил ее на двойной матрас, лицом вверх и головой на подушку. Жертву нашли полностью накрытой одеялом, взятым из бельевого шкафа.

Поза, избранная убийцей для женщины – руки прижаты к телу, ноги вместе – как бы предполагала спокойный отдых, если, конечно, не принимать во внимание запекшуюся кровь. Ничего явно сексуального в положении тела не было, и вскрытие показало отсутствие признаков изнасилования. Как обычно, Майло и детектив Шон Бинчи самым тщательным образом осмотрели квартиру, но улики, которые указывали бы на кражу со взломом, не нашли.

Пустой паз в блоке для кухонных ножей соответствовал самому тяжелому в наборе, разделочному. Размеры этого высококачественного германского изделия совпадали с представленным коронером описанием орудия убийства. Тщательный обыск квартиры Кэтрин Хеннепин и ближайших мусорных контейнеров положительного результата не дал. Ничего, кроме разочарования, не принес и опрос жителей – в основном представителей среднего класса – тихого квартала, где жертва снимала квартиру последние два года.

Что касается отпечатков пальцев и крови, то все эти следы вели к Кэтрин Хеннепин, и никому другому. Отсутствие чужой крови стало еще одним разочарованием; пользующиеся ножом убийцы, особенно если они переходят грань необходимого, часто роняют скользкие от крови орудия и ранят себя. Несмотря на очевидное безумие нападавшего, ошибки он не допустил.

Я перевернул страницу и обнаружил новую серию фотографий.

В обеденном уголке кухни стоял накрытый на двоих стол: пара салатов, которые, как потом было установлено, заправили оливковым маслом и уксусом, тарелки с жареным на гриле филе лосося, плов и молодая стручковая фасоль. Справа от небольшой вазы с цветами – открытая бутылка «Пино нуар» и два бокала с пятью унциями вина в каждом.

Все на месте этого преступления – отсутствие улик, подтверждающих взлом, кражу и изнасилование, очевидная исступленность посмертной атаки, укрытие жертвы одеялом, использование оказавшегося под рукой орудия – позволяло предположить, что жертва хорошо знала убийцу, находившегося под влиянием неконтролируемой ярости.

В ходе разговора с работодателями Кэтрин Хеннепин, пожилой парой бухгалтеров, Морин и Ральфом Гросс, Майло узнал о весьма бурных отношениях убитой с неким Дариусом Клеффером, шеф-поваром.

Человеком, прекрасно владеющим ножами.

Я продолжил чтение.

Гроссы характеризовали Кэтрин такими словами, как «милая», «красивая» и «застенчивая». Дариуса Клеффера Гросс называл «чертовым маньяком». Морин с мужем согласилась. Дважды повар «врывался» в офис и «кричал на бедняжку Кэтрин». В первый раз он подчинился требованиям Гроссов и вышел из офиса. Во второй не послушался и кружил возле Кэтрин, пытаясь убедить ее уйти вместе с ним. Гроссы вызвали полицию, но «безумец» удался еще до прибытия черно-белых.

Согласно собранной информации, Клеффера дважды арестовывали за избиение приятелей-собутельников в голливудских клубах; в обоих случаях обвинения были впоследствии сняты. Его психологическая неустойчивость, обед на двоих, определенно приготовленный профессионалом, и тот факт, что Клеффер жил неподалеку, в Северном Голливуде, вроде бы благополучно решали расследование, и я понимал, почему Майло не сомневался в быстром завершении дела.

Лейтенант отправился на квартиру Клеффера, но оказалось, что повар не живет там уже три месяца, а нового адреса не оставил. Поиски продолжались неделю, но обнаружить его не удалось, и Майло еще более укрепился во мнении, что вышел на преступника.

Все ясно.

Оказалось, что нет.

Я поднялся и налил себе третью чашку кофе. Первые две были выпиты в половине седьмого утра с Робин, перед тем как она забрала нашу собаку в студию и взялась вырезать гитарный гриф. Предложил я чашечку и Майло.

– Нет, спасибо.

– С чего бы вдруг такое самоограничение, старина?

– У католиков самоограничение – врожденная черта. Искушение достойно по крайней мере попытки.

– А самый большой грех...

– Неудача.

– По Хеннепин я пришел бы к такому же заключению.

– Может быть.

– Я анализирую факты так же, как и ты.

Детектив не ответил.

– Можешь упрекать себя сколько угодно, но, по-моему, Клеффер подходит идеально.

– Да вот только не подходит.

Я указал на синюю папку.

– Здесь нет ничего, что объясняло бы, почему ты его вычеркнул.

– Не успел бумажки написать. – Его улыбка была печальнее слез. – О'кей, подведу итог. Исповедь всегда благо для души и все такое. Я ишу повара повсюду – без шансов, а потом его имя выскакивает желтой полоской на карте «Гугл». Там он в пилотной серии телепроекта под названием «Мегашеф», который так и не вышел на экраны. В этой серии Клеффер был членом команды какого-то китайского кулинарного гения с мишленовской звездой¹.

Съемки проходили на Нижнем Манхэттене, и к тому времени Клеффер уже несколько месяцев жил в Нью-Йорке. Данных о том, что он вылетал оттуда, не нашлось ни в одной авиакомпании; то же относилось и к компаниям, сдающим в аренду автомобили. Дариус мог, конечно, воспользоваться машиной друга, но свидетельств тому я тоже не обнаружил. Можно было бы рассмотреть также вариант с «Амтраком» и покупкой железнодорожного билета за наличные, но в течение пяти дней до убийства и трех дней после него Клеффер точно находился в городе, что подтверждалось показаниями нескольких человек. При этом ночевал он в отеле, куда поселили участников проекта, и трое из них, не испытывавших симпатии к своему товарищу, единогласно дали показания в его пользу. То же самое сделали продюсеры сериала и все прочие, с кем я имел дело. Таким образом, алиби Клеффера подтверждалось целой армией свидетелей.

– Ты разговаривал с самим Клеффером? – спросил я.

– Пытался, но мне никто не перезвонил. Знаю, это странно – у человека убивают подружку, а ему как будто и дела нет. И тем не менее он не тот, кто мне нужен, разве что ты придумашь, как изменить законы физики.

– А нет ли у Клеффера друзей, которые могли бы оказать ему здесь, в Лос-Анджелесе, такую вот услугу?

– Я думал об этом, но пока никого, кто взялся бы за такое дело, не видно. Другом Клеффера никто себя не назвал. Популярностью он определенно не пользовался.

¹ То есть рекомендованного в авторитетном ресторанном рейтинге компании «Мишлен».

– Малопрятный тип, профессионально владеющий ножом... Тебе часто случалось видеть тридцать шесть колотых ран и чтобы нож ни разу не выскользнул из пальцев?

– Знаю, знаю. Еще прозрения?

– Даже если убийца не Клеффер, место преступления заслуживает изучения.

– Кто-то еще из ее знакомых.

– С кем она планировала пообедать. Может быть, сама и готовила?

– Никаких свидетельств готовки в квартире не найдено, но, конечно, их могли убрать.

Так ты думаешь, она питала слабость к поварам и после Клеффера ей попался другой кулинар-психопат?

– Или один из тех типов, которым нравится производить впечатление на женщин демонстрацией поварских талантов. Если в жизни Кэтрин появился новый мужчина, это объясняет, почему Клеффер являлся к ней на работу раздраженным и с претензиями.

– Загадочный бойфренд? Я много разговаривал с соседями, и все они утверждают, что видели только Клеффера. Мы с Бинчи отработали там на совесть, а ты знаешь, Шон и пылинки не пропустит. Никаких указаний на тайный роман мы не нашли.

– А когда Кэтрин в последний раз общалась с Клеффером? По телефону или посредством электронной почты?

– Задолго до убийства. В Нью-Йорк он перебрался шесть месяцев назад, а разговаривать они перестали еще раньше. В ее переписке ничего особенного нет. Писала она в основном своим работодателям и на деловые темы, причем зачастую уже вечером. Прилежная девушка, и они действительно искренне ее любили. В остальном общалась только с семьей. Там и тон другой, легкий и веселый, – поздравления по случаю дней рождения, юбилеев, повседневные мелочи. Родом Кэтрин из Южной Дакоты, там у нее большая семья – родители, бабушки и дедушки, прабабушка, племянницы и племянники. Их оттуда целая команда приезжала – занимались похоронами и встречались со мной. И вот стою я, передо мной целая комната хорошо одетых, приличных людей, а мне и сказать им нечего. Причем слушают вежливо, и мне от этого только еще поганее.

Лейтенант поднял руку и с силой обрушил кулак на стол, но в последний момент удержался от контакта и лишь поболтал пальцами в миллиметре от столешницы.

– Если тайного бойфренда нет, то, может быть, ты и прав, и Кэтрин убил какой-то приятель Клеффера. – Лейтенант поднялся. – О'кей, спасибо за кофе.

– Ты ж его не тронул.

– Важно, что мысль в голову постучалась. – Он покружил по комнате и вернулся. – Как тебе предположение, что вся сцена с обедом была подготовлена посмертно? Что-то вроде отвратительной шутки больного ума...

Я задумался.

– Возможно. Почему бы и нет? Если Клеффер заключил контракт на убийство, постановочный обед мог быть чем-то вроде его фирменной печати.

– Я для тебя готовил, ты меня отшила, а теперь сама кусок мяса.

– Умеешь ты подобрать слова...

Майло потер ладонью лицо, словно умылся без воды, прошел к кофеварке, налил в чашку, попробовал и выплеснул содержимое в раковину.

– Кофе в порядке, извини; это желудок бунтует.

– И во сколько молитв тебе обойдется такое расточительство?

– Запиши на мой счет. Как Робин?

Вопрос прозвучал как дань вежливости. Так говорит ребенок, обученный произносить правильные слова.

– У нее все хорошо.

– Дворняга?

– Прелесть. Как обычно. Как дела у Рика?

– Терпит мой несносный характер с тех пор, как я взялся за дело Хеннепин. – Лейтенант убрал папку в зеленый кейс и, выйдя из кухни, задержался у двери. – Мне бы раньше прийти. Что помешало, сам не знаю.

– От меня толку оказалось мало.

– Может быть, если б ты побывал на месте преступления...

– Сомневаюсь.

– Смотри сам. Пока.

– Надеюсь, подвижки будут.

* * *

Подвижек не было.

Две недели спустя лейтенант позвонил и сообщил, что расследование официально отложено, никого и ничего, что связало бы Дариуса Клеффера с убийством Кэтрин, не обнаружено, и других подозреваемых не появилось.

Никаких известий от него не было еще двадцать дней, а когда он наконец позвонил, голос его звенел от адреналина.

– Что, есть подвижки по Хеннепин?

– Новое дело, амиго. И на этот раз ты завязан с самого начала.

Глава 2

Местом преступления оказался нижний уровень подземной парковки в Сенчури-Сити, восемнадцатизэтажное здание на авеню Звезд. Построено оно относительно давно, еще до того, как застройщикам удалось убедить комиссию по зонированию в том, что настоящие небоскребы – как раз то, чего не хватает на территории сейсмической активности.

До места я добрался довольно легко, проехав по Беверли-Глен. Тело уже накрыли белой простыней, и техэксперты делали последние снимки и брали образцы крови, соскабливая брызги под простыней. Красная струя попала на опору слева от серебристого седана жертвы.

На полу рядом с телом лежала белая дамская сумочка из кожи ящерицы и комплект ключей, на одном из которых имелся логотип фирмы – оскаленная морда ягуара. Оставленные шинами на бетоне перекрещивающиеся петли складывались в хаотичный рисунок, не поддающийся никакой интерпретации. Все эти круги и завитушки давно высохли и посерели от времени. Ни одного свежего масляного потека, ни одного следа заноса или резкого торможения.

Майло – в перчатках, коричневом костюме и худосочном черном галстуке – стоял в стороне от копошащихся экспертов. В одной руке он держал какой-то белый прямоугольник, другой прижимал ко рту сотовый.

Пахло бензином. Из-за нагнетаемого через воздухопровод пыльного сухого воздуха помещение напоминало просторную морозильную камеру. Я стоял на месте, пока Майло не кивнул наконец невидимому собеседнику на другом конце линии связи, дал отбой, подошел к телу, присел на корточки, поднял простыню за уголок и осторожно ее отвернул.

Приглашение сделано.

Женщина упала вниз лицом. Светлые волосы оттенка сырого дуба собраны в высокий, по моде, пучок, открывая затылок и шею. Сама шея длинная и изящная. Должно быть, убитая гордилась ею.

Фигура высокая, стройная, на спине никаких ран. Облегающие джинсы с украшенными блестками швами, красная кожаная куртка, достигающая середины ягодиц, белые туфли-лодочки на средней высоты каблуке. Правая нога неуклюже вывернута, туфля частично сползла, что позволяло заглянуть внутрь. «Маноло Бланик»².

На двух пальцах каждой руки поблескивали золото и платина. В ухе, которое я видел, красовался изрядных размеров диск из розового золота с крохотными рубинами по периметру.

Майло кивнул эксперту, которого вполне можно было принять за любознательного старшеклассника-интроверта, допущенного волонтером в аудиовизуальную лабораторию.

– Ничего, если я переверну ее частично?

– Коронер приехал и уехал, мы закончили, так что, по мне, даже можете перевернуть ее полностью.

Майло перевернул женщину с такой легкостью, словно она была из сахарной ваты, и приподнял ровно настолько, чтобы я увидел бывшее красивым лицо: полные, сердечком, губы, чистые линии подбородка. Тонкие морщинки, цена жизненного опыта; аккуратно, но без попытки скрыть возраст, нанесенный макияж. На мой взгляд, женщине было около сорока пяти, но за собой она следила.

Под красной курткой – черная шелковая блузка. На гладкой шее – изящная золотая цепочка-ожерелье с вставленными через каждые два дюйма маленькими квадратными бриллиантами. Входное отверстие пометило то место, где ожерелье касается ключицы. Вторая рана обезобразила левую щеку примерно в дюйме под глазом и исказила до неузнаваемости выражение лица. Замешательство? Беспомощность? Предсмертный испуг? Так сразу и не понять.

² Марка дорогой обуви.

Судя по едва заметному серому налету вокруг обоих отверстий, стрелявший находился на расстоянии от шести дюймов до двух футов. Одна пуля в дыхательное горло, другая – в мозг; скорее всего, смерть была быстрой. Отсутствие выходных отверстий давало основание предположить, что стреляли из оружия небольшого калибра, 22 или .25, и пули, разорвав ткани, остались внутри.

– Гильзы?

Майло покачал головой.

– Если и были, их забрали. В сумочке тысяча «баков» и мелочь, а еще неработающие часы «Леди-Ролекс», которые она, возможно, собиралась отдать в ремонт. Плюс целая стопка платиновых карточек. Хочешь еще посмотреть?

Секунду-другую я всматривался в лицо. Вся эта заботливо сохраняемая красота – и вот что от нее осталось...

– Нет.

Майло снова перевернул тело, накрыл простыней.

– Что думаешь?

– Скорее всего, ее выбрали заранее и проследили пешком до стоянки. Если только ты не обнаружил свежих полос от шин, которые я как-то пропустил.

– Не обнаружил.

– Сколько на парковке камер видеонаблюдения?

– В самой парковочной зоне – ни одной.

– Шutiшь?

– Если бы. Есть по одной над дверьми лифтов и на главном въезде на парковку, да еще пара у передней и задней двери здания.

– Почему здесь ничего нет?

– Вот ты мне и скажи.

– Кто ее нашел?

– Какая-то женщина шла к своей машине. Бедняжка так испугалась, что мне пришлось выводить ее «Мерседес». Потом дала показания и к твоему приезду уже относительно успокоилась. Как думаешь, нападение фронтальное?

– Застрелить ее сзади было бы легче. Возможно, стрелок хотел, чтобы она знала, кто ее убивает. Или планировалось напасть сзади, но женщина услышала шаги и обернулась... Кто она?

Майло протянул белый прямоугольник.

Водительские права. Выданы в Калифорнии. Урсула Кори, сорок семь лет, блнд/голб³, пять-восемь⁴, 129. Адрес в Калабасасе.

– Я посмотрел. Занимаются коневодством. Подходящее место для богатой леди.

– Есть мысли, что она делала здесь?

– Вообще-то есть. Я разговаривал по телефону с ее домработницей. Сеньора Урсула намеревалась встретиться со своим юристом, вот только домработница забыла его фамилию. Что-то на «Ф»; может, Фельдман или Феллман... Что еще? Если мыслей нет, я собираюсь проверить подсказку.

* * *

Вестибюль размером в половину футбольного поля облицован серым гранитом и коричневым мрамором; в центре высокого, в тридцать футов, кессонного потолка огромная, шири-

³ Цвет волос и глаз.

⁴ Рост 5 футов 8 дюймов, т. е. ок. 173 см.

ной в шесть футов, люстра из венецианского стекла. Лифты на каждой стороне. Туда-сюда сновали люди в деловых костюмах. На некоторых лицах лежала тень серьезности, но не наблюдалось недостатка и в легкомысленных улыбках, жестах, пружинистой походке. Известие об убийстве еще не поднялось сюда из подвала.

Интересно, в каком настроении начала свой последний подъем на лифте Урсула Кори?

* * *

В списке арендаторов преобладали юридические конторы; остальные, если судить по названию, занимались тем, что переводили деньги – ради забавы и выгоды. Сотни, если не тысячи юристов. Учитывая, сколько людей в Лос-Анджелесе подавали друг на друга в суд, здесь можно было построить отдельный город, населенный исключительно юристами. Но какой мазохист взял бы на себя поддержание правопорядка в таком городе, не говоря уже об уборке токсичного мусора? Мы просмотрели справочник на букву «Ф» и обнаружили одного Фельдмана и одного Фельда. Оба были записаны как управляющие директора.

– Может быть, и так, что для домработницы каждый, у кого есть офис, – *abogado*⁵, – сказал Майло, делая запись в блокнот. Взгляд его скользнул ниже, и рука остановилась, а уже в следующую секунду он указал на строчку в справочнике. Грант Феллингер. Адвокатская контора «Вайнтрауб, Хэрроу, Мичевски и Феллингер» занимала целое южное крыло седьмого этажа. – Лучший вариант, верно, парень?

– Определенно. И давай отдадим должное домработнице за то, что она знает, кто *abogado*, а кто – нет.

– Ну вот, опять ты за свое... В каждом хочешь видеть лишь хорошее.

Лифт был скоростной, практически неслышный, и уже через несколько секунд мы стояли перед стеклянной дверью в стене из черного сланца. Название фирмы, выгравированное мелким, неброским шрифтом, как будто пряталось от случайных глаз. Похоже, контора относилась к разряду тех, которые говорят о себе: *если вам приходится спрашивать, значит, вы не наш клиент*.

За столом в приемной сидела молодая, симпатичная латиноамериканка с ясными глазами, в подобранном со вкусом черном платье и жемчуге. Серьезное лицо. Устрашающая поза. Просидеть весь день с прямой спиной – это требует самодисциплины. Предъявленный Майло жетон не произвел на нее никакого впечатления.

– Что я могу сделать для вас?

– Урсула Кори является клиентом мистера Феллингера?

– Секунду, пожалуйста. – Проворные пальцы пробежали по кнопкам на клавиатуре так быстро, что я не успел проследить за ними. Ручные приспособления, может быть, и не столь популярны, как раньше, но они творят чудеса для мелкомоторной координации.

Через полминуты в приемную вышел высокий мужчина за тридцать в подвернутых джинсах, белой рубашке с маленьким воротником и красном галстуке с узором «пейсли». Взбитые довольно длинные волосы создавали эффект нарочитой небрежности. Очки в черной оправе и красно-коричневые туфли вносили свой вклад в образ хипстера, но не корпоративного юриста. Говорил он мягко, как будто всячески старался никого не обидеть.

– Меня зовут Дженс Уильямс, я помощник мистера Феллингера. Чем могу помочь вам?

Майло повторил вопрос.

– Э, позвольте спросить, почему вы спрашиваете? – Акцент помощника юриста выдавал уроженца Новой Англии.

Майло улыбнулся.

⁵ Адвокат (исп.).

- Я принимаю это как «да».
Дженс Уильямс криво ухмыльнулся.
– Ладно. Да, сэр. Миз⁶ Кори – наш клиент. Просто я не уполномочен... – Он пожал плечами. – Вообще-то она была здесь.
– Давно?
– Я бы сказал... примерно час назад. А что?
– Она приходила к мистеру Феллингеру?
Секундная пауза.
– Это вне моей компетенции. Вы можете сказать, в чем дело?
– Миз Кори только что нашли мертвой на парковочной площадке.
Дженс Уильямс машинально вскидывает руку ко рту.
– Господи... Ее сбила машина?
– На чем специализируется мистер Феллингер?
– Семейное и деловое право... Боже, я ведь только что ее видел. – Уильямс посмотрел на секретаршу. Шокированная, та сидела с открытым ртом, теребя жемчуга.
– Нам нужно поговорить с мистером Феллингером, – напомнил лейтенант.
– Да, да, конечно. Я сейчас... Подождите, пожалуйста. – Уильямс торопливо ушел.
– Ужасно, – сказала секретарша. – Она только что *была здесь*.
Майло повернулся к ней.
– Извините, что принес плохие новости.
Секретарша покачала головой.
– Ужасно опасное место.
– Парковка?
– Не для цитирования, но все эти повороты, когда за углом ничего не видно... Шутите?
– Жуть, – сказал Майло.
– Я, наверное, и сосчитать не смогу, сколько раз едва не попадала под машину на служебном уровне.
– Это который?
– Второй снизу.
Следующий за тем, где произошло убийство.
– Тот, кто сбил, он остался на месте или удрал?
– Следов правонарушителя не обнаружено, – ответил Майло.
– Какой ужас! Может, они теперь что-то предпримут.
– Они?
– Управляющая компания.
– Что они должны сделать?
– Ну... Не знаю. Что-нибудь. В смысле... Посмотрите, что случилось.
– Джентльмены? – Дженс Уильямс вернулся и теперь стоял футах в десяти от стола секретарши, показывая большим пальцем влево.

Мы последовали за ним по длинному коридору, увешенному абстрактными картинами. На середине коридора дверь одного из офисов открылась, и оттуда вышел и сложил руки на груди невысокий плотный мужчина. Лет пятидесяти, в розовой рубашке, голубых в полоску брюках, державшихся на подтяжках из плетеной кожи, мятно-зеленом галстуке с оранжевыми валторнами и мягких кожаных лоферах⁷. Черные, редящие на макушке волосы были зачесаны назад и, похоже, покрашены. Густые брови. В полном лице было что-то, придававшее

⁶ Универсальное обращение к женщине в англоязычных странах (вне зависимости от возраста, семейного положения и прочих факторов), принятое под воздействием женского эмансипационного движения.

⁷ Обувь, по покрою схожая с мокасинами, но на твердой подошве с каблуком.

ему сходство то ли с павианом, то ли с шимпанзе. Чисто выбритое, оно, однако, уже отливало синевой в зоне бороды.

– Мистер Феллингер, полиция... – начал Дженс Уильямс.

Грант Феллингер остановил его, коротко рубанув рукой. Пухлые, но узкие губы раскрылись, и мы услышали глубокий голос, звучащий со странным эффектом эхо.

– Будь добр, сходи в кафе и принеси мне белый жасминовый чай. Проверь, чтобы оставили в чашке цветок.

– Простой, с одной таблеткой подсластителя?

– Простой, без подсластителя. Учитывая обстоятельства, я не особенно расположен к сладкому.

Раздражительность, но без беспокойства.

– Понял, – задыхающимся голосом сказал Уильямс и поспешно удалился. Возможно, при его работе было бы полезно заняться аэробикой.

Между тем Грант Феллингер изучающе взирал на нас, скрестив руки. Все в нем было крупным и даже толстым: плоский нос, почти такой же широкий, как и губы-бутоны под ним, мочки ушей формы «банджо» с торчащими черными волосками, крепкие жилистые запястья, короткие толстые пальцы, покатые плечи.

Как будто скульптор положил лишний слой глины.

Майло назвал себя.

Феллингер кивнул.

– Урсула попала под машину? Даже не верится, она вот только что была здесь. Боже... – Он погрыз губу. – Сорок пять минут назад у нее все было прекрасно. И вот... *Господи*. – Коснулся пальцем уголка глаза. – Проклятье. Вы взяли болвана, который это сделал? Если он не соблаговолил задержаться, найти его не составит труда, поскольку над входом есть камера наблюдения.

– Миз Кори ушла отсюда сорок пять минут назад? – спросил Майло.

– Около того. Плюс-минус минут пять, не больше. Так что вам нужно лишь проверить, кто выехал со стоянки в этот промежуток времени, и негодяй у вас в руках.

– Спасибо за информацию, мистер Феллингер. К сожалению, миз Кори не была сбита автомобилем.

– Нет? Тогда что же?..

– Ее застрелили.

Грант Феллингер резко качнул головой вперед, как будто приготовился боднуть суровую реальность.

– Застрелили? Но Дженс упомянул несчастный случай...

– Мы не сообщили ему деталей, поэтому он и сделал свой собственный вывод.

– Прекрасно. Вечно он торопится с умозаключениями. Постоянно говорю ему об этом. Йель⁸, не меньше... Так ее застрелили? И кто же?

– Мы пока не знаем.

– Застрелили, – повторил Феллингер. – Застрелили? Урсулу? Боже мой... – Его мясистые руки упали. Пальцы сжались в волосатые кулаки. Он стукнул кулаком по ладони. – Как мешком по спине.

– Все, что вы можете сообщить нам, сэр...

Адвокат втянул воздух, издав звук, напоминающий тот, что получается, когда лопаются пузырь, и развел руками.

– Вам лучше войти.

⁸ Имеется в виду Йельский университет, один из самых престижных в США.

* * *

Офис оказался на удивление скромным, всего лишь с полоской неба, едва виднеющейся на востоке. Обычный деревянный стол на пару с тумбой, огромное черное кожаное кресло и три функциональных стула. Обитая твидом софа и стеклянный кофейный столик создавали зону общения у задней стены. Расположившись за письменным столом, Феллингер кивком указал нам на стулья с твердой спинкой.

На оклеенной стене над тумбой красовались дипломы университета и юридической школы, компанию которым составляли свидетельства и сертификаты в области семейного права и арбитража. Висевшие косо фотографии изображали Феллингера в обществе симпатичной темноволосой женщины и двух мальчиков разного возраста. На самых последних снимках мальчики уже превратились в угрюмых тинейджеров, а супруга заметно состарилась.

– Вы работаете в области семейного права. Миз Кори консультировалась по каким-то неприятным вопросам развода?

– В любом разводе скрыт потенциал неприятного, – сказал Грант Феллингер. – При условии наличия двух критически важных ингредиентов.

Он выдержал выжидающую паузу.

– Дети и деньги, – сказал я.

– В точку. В браке Урсулы и Ричарда присутствовали оба ингредиента, но дети проблемы не создавали, они почти взрослые. Все дело было в денежных знаках. Над договором работали пять лет, из них три года после формального решения.

– Каждому хотелось большего.

– Тонкая настройка, – сказал Феллингер. – В конце концов мы все же достигли взаимовыгодного соглашения. Под «мы» я имею в виду себя и адвоката Ричарда Кори.

– Кто он, сэр?

– Эрл Коэн. Юрист старой школы.

– Кто-то захотел реванша? – спросил я.

– Оба. Такое желание возникало у каждого из них примерно раз в год или около того. Даже для меня, человека с опытом, ситуация странная. В один прекрасный день они приходят как лучшие друзья, говорят правильные слова и готовы на все, чтобы сгладить любые разногласия. Уходят всем довольные, воркуют как два голубка... смотришь и думаешь, зачем, черт возьми, вы вообще разводились.

Феллингер подался вперед.

– Это не та ситуация, которую адвокаты затягивают, чтобы продолжать получать гонорар. Мы с Эрлом одинаково занятые люди. Здесь все могло пройти гладко, в духе подлинной дружбы – соглашайтесь, двигайтесь дальше и живите счастливо.

– Кори считали иначе, – сказал я.

– Они двигались дальше. А потом все начиналось сначала. Что особенно досадно, мы с Эрлом действовали согласно их указаниям едва ли не буквально. Несколько тысяч долларов спустя каждый из нас получал раздраженный звонок, все договоренности отменялись – и назад, в окопы. Причем с каким-то конкретным событием это связано не было. Да и никакой враждебности, появляясь здесь снова, они друг к другу не испытывали. Впечатление складывалось такое, что они просто поднакопили энергии и были готовы еще повоевать. Последняя такая карусель закрутилась год назад.

– В тот раз кто-то остался недовольным? – спросил Майло.

Феллингер пристально посмотрел на него.

– Мог ли Ричард сделать что-то подобное? Господи, надеюсь, что нет. То есть это было бы отвратительно. В таком случае я даже усомнился бы в своей способности разбираться в

людях... Нет, лейтенант, никакого недовольства ни с одной, ни с другой стороны не наблюдалось. Напротив, все выглядели вполне довольными. – Он вскинул брови. – Урсулу ограбили? Она любит свои украшения, и сегодня их было на ней немало.

– На это ничто не указывает, – ответил Майло.

– Уверены? Я видел на ней кучу бриллиантов; может быть, что-то пропало...

– Мы сняли и внесли в опись три кольца, цепь-ожерелье, два браслета и пару золотых сережек с рубинами. Кроме того, в сумочке лежали дорогие часы.

– Вроде бы всё на месте... Так Ричард у вас на подозрении? Полагаю, с мужьями всегда так; видит бог, я тоже знал многих супругов, которых сам записал бы в подозреваемые, если бы что-то случилось. Но насчет Ричарда не уверен. На мой взгляд, к нему это не относится.

Участвуя в десятках дел о разводе в качестве свидетеля-эксперта, я не мог припомнить ни одного случая, когда адвокат одной стороны защищал бы противника.

– Ричард – хороший парень, – сказал я.

– Честно? – Феллингер посмотрел на меня. – Он не победитель по натуре, но всегда казался мне человеком приличным и честным. За пять лет можно много грязи наскрести, и, вы уж поверьте, я старался и рыл глубоко. Эрл занимался тем же со своей стороны – в отношении Урсулы. Мы даже встретились в прошлом году, выпили и вместе посмеялись над всей этой ситуацией. Потратить столько времени на попытки измазать черной краской клиентов друг друга и получить в результате ноль...

– Но они продолжали воевать.

– Не воевать, – не согласился Феллингер. – Как я сказал, заниматься тонкой настройкой. Регулировать. Никто ни разу не повысил голос; они просто хотели добиться полной ясности в отношении финансов. Получить точный расклад.

– Если вопрос с разводом был урегулирован, то зачем Урсула приходила к вам сегодня?

– Ваш вопрос возвращает нас к драгоценностям. Урсула покупала их на протяжении многих лет. Приобретала дорогие, стоящие вещи. После того как вопросы, связанные с разводом, были сняты, она начала думать о дочерях – хотела разобраться, кто что получит. Я имущественными делами больше не занимаюсь, но это согласился взять – при условии, что в дальнейшем не возникнет осложнений. Оказалось, что все просто: две девочки, пятьдесят на пятьдесят. Чтобы Урсуле было спокойнее, мы изложили ее пожелания в письменном виде.

– То есть составили дополнение к завещанию, – вставил Майло.

Феллингер посмотрел на него.

– Было ли у нее предчувствие чего-то нехорошего? Я не заметил. Скорее наоборот. Урсула пребывала в прекрасном настроении. Вот что на уме, детектив, у богатых, влиятельных людей: дорогие игрушки, идеальные решения, контроль над всем.

– Откуда взялся этот достаток?

– Бизнес, который Ричард и Урсула построили вместе. Импортно-экспортные операции.

– Что именно они импортировали и экспортировали?

– Дешевое барахло, – ответил Феллингер. – Их слова, не мои. Видели, наверное, такие резиновые сандалии? Продаются по два бакса в Чайна-тауне. Их привозят сюда большими партиями из Вьетнама, где берут по десять центов за пару.

– Неплохая прибыль, – оценил Майло.

– С учетом транспортных расходов им эти сандалии обходились по двадцать – двадцать пять центов. При продаже здесь оптовая цена составляла уже от семидесяти пяти центов до одного доллара. Я бы сказал, фантастическая прибыль.

– Как у них распределялись роли?

– За покупки отвечала Урсула. Она знала Восток, ее отец был каким-то дипломатом. На Ричарде лежала бухгалтерская работа, текущий менеджмент и инвестиции. Последнее у него хорошо получалось.

– Во что вкладывались деньги?
– В высокодоходные и привилегированные акции, облигации.
– Консервативный подход.
– В высшей степени консервативный, – согласился Феллингера. – Есть еще арендуемая собственность в Окснарде.
– О какой собственности в целом может идти речь? – спросил Майло.
Брови у Феллингера подскочили, словно испуганные гусеницы.
– А это имеет значение?
– В данный момент, сэр, все имеет значение.
– Что ж... Полагаю, вы всегда можете получить доступ к материалам суда по семейным делам, информация передавалась туда-сюда в течение всех пяти лет. – Феллингера откинулся на спинку кресла и сложил руки на крепком, округлом животе. – Согласно последним подсчетам, общая стоимость чистых отчетов составляла от четырнадцати до пятнадцати миллионов при отсутствии сколь-либо значительных долгов.

Майло присвистнул.

– Позвольте, детектив, внести некоторую ясность. Три с половиной миллиона – оценочная стоимость главного дома, большой фермы в Уэст-Вэлли. Их дочери занимаются лошадьми. Ферма выделена из половины Урсулы. Ричарду досталась квартира в Окснарде, которую он использует как свою резиденцию. Оценочная стоимость значительно меньше, около полутора миллионов, поэтому Ричард получил также акции и облигации еще на два миллиона. Все остальное поделили поровну.

– Включая украшения Урсулы?

– Нет, извините, они тоже вошли в половину Урсулы; но их стоимость относительно небольшая, может быть, пятьсот-шестьсот тысяч. Не мелочь, конечно, но в сравнении с фермой ничего особенного.

– Как насчет коммерческой собственности? – поинтересовался я. – Складские помещения? Офисы?

Феллингера покачал головой.

– «Уррич Лтд.» – название компании, образовано из их имен, Урсула и Ричард. Там только они вдвоем, даже секретарши нет. По мере необходимости, когда накапливается много документов, обращаются в секретарскую службу. У обоих рабочее место дома. По прибытии груза в Сан-Педро один выезжает туда и организует прямую отправку заказчику. Если товар нужно хранить, они арендуют складское помещение в восточной части города; во время рецессии Ричард заключил удачный контракт с тамошними профсоюзными боссами – у него нюх на такие дела. В этом вся прелесть их бизнеса: нет нужды долго держать груз, они всего лишь посредники и зарабатывают, по сути, на перемещении товара из одного места в другое.

– И о чем же шел спор эти пять лет?

– Цена «Уррич Лтд.», если они решат ликвидировать компанию. Урсула склонялась к более высокой, Ричард же считал, что стакан, как говорится, скорее наполовину пуст.

– В какой сумме выражалась разница?

– Она варьировалась в зависимости от текущей оценки. Два миллиона плюс-минус мелочь. При этом ни он, ни она по-настоящему ни делить, ни продавать не хотели, и все разговоры шли на теоретическом уровне. Последний год был у них самым успешным, они вышли на большой религиозный рынок – буддистская горячая бумага. – Феллингера улыбнулся. – Вы ведь о такой и не слышали, да?

Майло покачал головой. Я тоже.

– Вот и я не слышал, пока меня не просветили. Оказывается, некоторые буддисты, когда хотят чего-то от своего бога, сжигают на алтаре маленькую бумажную реплику желаемого предмета. Если нужен кэш, они используют что-то вроде тех денег, которыми играют в «Монопо-

лию». Если хотят автомобиль, сжигают маленькую бумажную машину. И так далее. В прошлом году Урсула и Ричард крупно вложились в религиозную бумагу и получили хорошую отдачу.

– Почему, по-вашему, они постоянно возвращались к этой, как вы выразились, настройке? – спросил я.

– Был ли это финансовый фактор? – Феллингер на секунду задумался. – Ричард и Урсула так и объясняли, но, откровенно говоря, я думал, что таким образом они, не признавая этого сами, поддерживали контакт вне работы.

– Огонек не погас.

– Должно быть.

– Как насчет дурных привычек? – спросил Майло. – Наркотики? Азартные игры?

– Нет.

– Интрижки? Ревность?

– Только деньги, лейтенант.

– Примерно раз в год они возвращались к вам, чтобы что-то уточнить, а бизнес шел сам собой?

– Полная гармония. Я же говорил, странная пара.

– А кто инициировал развод? – спросил я.

– Даже здесь инициатива была взаимной. – Феллингер уже в третий раз поднял руки. – Если уж начистоту, я бы назвал их малость чокнутыми. В большинстве случаев тяжущиеся стороны готовы стереть одна другую в порошок. Эта же пара нас с Эрлом изрядно удивила. – Он рассмеялся и тут же оборвал себя. – И вот Урсула мертва... Полагаю, вы уведомите Ричарда и девочек. Потому что мне делать это чертовски не хочется.

– Мы займемся этим, мистер Феллингер, – сказал Майло. – А вас попросим не говорить никому ни о нашем разговоре, ни об убийстве вообще.

– Разумеется. Я понимаю.

– Нам нужен адрес и номер телефона Ричарда.

Феллингер распечатал.

– Две дочери – их единственные дети?

– Эшли и Марисса.

– Где их можно найти?

Прежде чем Феллингер успел ответить, в дверь постучали.

– Занят! – крикнул он.

– Ваш чай, мистер Ф... – ответили из-за двери.

– А, да... Неси.

В кабинет, неся стеклянную чашку с серебряной ручкой на оловянной тарелке, вошел Дженс Уильямс. В чашке плескалась жидкость бледно-янтарного цвета. На доньшке лежал похожий на анемон цветок.

– В кафе теперь стекло? – спросил Феллингер.

– Чашка наша, сэр.

Адвокат придиричиво изучил жидкость.

– Больно уж маленький цветок... Это все, что у них было?

– К сожалению, – ответил Уильямс.

– Ладно. А теперь, пожалуйста, дай мне адреса и номера телефонов девочек Кори.

– Принести или передать по интеркому, сэр?

– Принеси.

– Конечно. – Уильямс вышел.

– Конечно, – хмыкнул Феллингер. – Как будто мы приятели. В самом начале пришлось поговорить с ним насчет обращения ко мне по имени, но по сравнению с предыдущей помощ-

ницей этот парень – Эйнштейн. Та явилась на интервью прикрывшись, но в первый же день пришла вот с такими вырезами как спереди, так и сзади. Бестолковое поколение.

– Времена меняются, – заметил я.

– И это лучше, чем застой? Иногда сомневаюсь.

В дверь снова постучали. Дженс Уильямс торопливо подошел к столу и протянул Феллингеру листок.

– Младшая в колледже, сэр, и у нас нет адреса общежития, а старшая дома. Ее адрес я записал.

Феллингер ткнул пальцем в сторону двери.

– Как дела в реальном мире?

– Несколько звонков, сэр, насчет судебных дел, но ничего не горит.

– Хорошо. Я обо всем позабочусь, вот только джентльмены уйдут.

Глава 3

Офис службы эксплуатационной безопасности занимал угол первого этажа здания и находился в нескольких шагах от кафе и общественных уборных. В помещении без окон были оборудованы три рабочих места, задняя стена представляла собой сплошной блок телевизионных мониторов и рекордеров. Перед ними стояли несколько металлических стульев. Экраны мигали, серые люди и машины делали свои дела.

Директор по безопасности, чернокожий мужчина Альфред Бейлесс, носил черный блейзер, серые брюки и белый свитер-водолазку. На место преступления он прибыл, когда мы уже собирались уходить.

Майло попросил посмотреть записи с камеры наблюдения.

– Это катастрофа, – сказал Бейлесс. – Что ж, пойдёмте ко мне.

Пока поднимались, он сообщил, что работал в Холленбеке, занимался автомобильными кражами и грабежами.

– Отслужил шестнадцать лет. Думал, на пенсии отдохну. – Он посмотрел на меня.

– Доктор Алекс Делавэр, – представил меня Майло. – Наш психолог-консультант.

– Думаете, какой-то чокнутый?

– Случай незаурядный, могло быть что угодно.

У себя в офисе Бейлесс сделал копии нескольких дисков, положил их в бумажные конвертики и передал нам.

– Спасибо. Какое время покрывают эти записи?

– От семи часов утра, когда открывается стоянка, до вашего звонка.

Бейлесс подвел нас к мониторам и включил один из рекордеров. Пустой экран в нижнем ряду ожил и быстро заполнился непрерывной вереницей въезжающих автомобилей. Нажав кнопку, Бейлесс переключился на исходящий поток машин. Запись давала четкое изображение транспортных средств, но не водителей. Если машина двигалась не слишком быстро, рассмотреть регистрационный номер не составляло труда.

– То самое? – спросил Майло.

– Да, я знаю, что на парковочных ярусах нет ничего. – Бейлесс покачал головой. – Катастрофа. Подобного у нас не случалось.

– Будем надеяться, и не случится больше.

– Работаете с трупами и все же верите в судьбу?

– Только в ту, что со знаком минус.

– Да, так обычно и бывает, – сказал Бейлесс.

– Послушайте, не хочу спрашивать, но придется...

– Да, да, почему нет камер на ярусах. – Директор выпроводил нас из комнаты наблюдения, прошел до конца коридора, заканчивавшегося дверью с табличкой «Подсобная», остановился и огляделся.

– За вами тоже наблюдают? – спросил Майло.

Бейлесс улыбнулся.

– Кто ж его знает... Что касается вашего вопроса, хотите официальную причину или настоящую?

– А если обе?

– Официально считается, что у нас установлена современная система наблюдения и безопасности, что мы обеспечены аппаратной и программной частью и располагаем высококлассным опытным персоналом. На самом деле мы – дилетанты, низшая лига. Я пришел сюда восемь месяцев назад и первым делом, помимо прочего, предложил установить камеры наблюдения на парковочных уровнях. Ведь где в основном что-то случается? Не в вестибюле же, черт бы его

подрал... – Он скользнул взглядом по коридору. – Но те умники, которые всем здесь управляют, тратиться не пожелали. Мол, это же Сенчури-Сити, а в Сенчури-Сити люди не для того приезжают, чтобы всякие гадости делать.

– Адвокатский храм добродетели?

Бейлесс выразительно фыркнул.

– В любом случае весь он ваш. Надеюсь, судьба поменяется к лучшему.

* * *

Мы спустились на парковку, где произошло убийство. Поскольку мое имя значилось в списке лиц, имеющих доступ на закрытую стоянку, охраняемую полицейским в форме, я оставил свой «Кадиллак Севиль» на верхнем уровне. Неподалеку, через четыре места от нее, стояла зеленая «Шевроле Импала» Майло без опознавательных знаков.

Остановившись возле моей машины, лейтенант позвонил Мо Риду и сообщил, что везет в офис компакт-диски и что Риду нужно сделать копии и внимательно просмотреть запись.

– Уехать можно было вскоре после убийства, а вот заехать он мог раньше, в любое время после семи. Пробей все номера, которые сможешь распознать. Обращай внимание на все необычное.

– Будет сделано, лейтенант.

Закончив разговор, Майло опустил ладонь на капот темно-зеленого «Севиль».

– Блестит. Отдавал кузовному мастеру?

– Сам сделал в прошлое воскресенье.

– Вот и говори после этого о призвании... Покатаемся на твоей, но возить будешь ты, а потом я вернусь за своей.

– Куда путь держим?

– Поедем к бывшему мужу, главному подозреваемому, а если не найдем, то к дочерям.

– То есть показаниям Феллингера в отношении мистера Кори ты не поверил?

– Чтобы так стоять за противника?.. Да, картина непривычная, верно?

– Как и благожелательный отзыв Феллингера об адвокате Ричарда?

– Одна большая счастливая семья. Вот только Кори пять лет раскошеливались на гоночары, а теперь один из них убит. Нет, я на это не куплюсь. Думаю, Феллинер нагло пудрил нам мозги, и мне хотелось бы знать почему.

– Может, стоит поговорить с адвокатом Ричарда, выяснить, была ли любовь взаимной...

– До встречи с Кори и девочками?

– Если он близко и свободен.

– Почему бы и нет? – Майло поискал адрес Эрла Коэна, дипломированного юриста. Роксбери и Уилшир, Беверли-Хиллз. Десять минут езды.

Он позвонил. Услышав об убийстве, Коэн охнул, а когда Майло спросил, есть ли у него время поговорить, ответил, что да, конечно.

* * *

Латунная табличка на двери орехового дерева представляла Эрла Коэна, эсквайра, старшего партнера юридической фирмы из трех человек. Вторым значился Беверли Коэн, третьим – Раджив Сингх.

Приемная оказалась поменьше, чем у Феллингера, но имела схожую геометрию, включая искусственный ландшафт за спиной секретарши, в данном случае стену из травертина.

Женщина за столом что-то печатала, и отрывать ее от дела не пришлось, поскольку рядом уже стоял Эрл Коэн, жестом предложивший нам пройти.

Поверенному в делах Ричарда Кори было около восьмидесяти. На узких, худых плечах красиво висел костюм кофейного цвета, под ним – голубая рубашка с высоким, накрахмаленным итонским воротничком и желтый галстук, должно быть, от «Эрме». Из желтовато-коричневых лоферов в сетку выглядывали оранжево-синие вязаные носки. Длинные, густые бело-снежные волосы зачесаны назад. Углубление на правой стороне шеи указывало на операцию по удалению опухоли то ли околоушной, то ли слюнной железы. Ясные голубые глаза посерели по кромке.

– Здравствуйте. Пожалуйста, входите, – пригласил он мягким, слегка дребезжащим голосом.

Личный кабинет Коэна оказался просторной комнатой с отделанными французским дубом стенами и толстым темно-красным ковром. Если Грант Феллингер предлагал посетителям жесткие стулья, то Эрл Коэн выказывал гостям большее уважение, свидетельством чего служили мягкие кожаные клубные кресла.

Письменный стол старого адвоката вполне мог быть изъят с чердака Белого дома – резной великан, выполненный в георгианском стиле⁹, оказавшийся слишком большим для Овального кабинета. На латунной тележке стояли хрустальные кувшины с серебряными эмблемами – *Джин*, *Виски* и *Бренди* – на серебряных цепочках. Вид из окон на Роксбери-драйв блокировали дубовые жалюзи и перехваченные шнуром парчовые портьеры, которые вполне могли быть сшиты из обюссонских¹⁰ гобеленов.

Мягкий свет изливался из синей с золотом, покрытой узором из стрекоз люстры, возможно, настоящей, от «Тиффани».

Рядом с гарвардским дипломом самого Коэна разместились внушительная коллекция сертификатов и фотографий хозяина кабинета с сенаторами и губернаторами, начиная с Рейгана, а также многочисленные снимки блондинки, которая могла быть актрисой в те время, когда и Рейган снимался в кино. Светловолосую девочку с чертами матери представляла расположенная в хронологическом порядке серия фотографий. На одной из них Коэн вручал дочери диплом; оба красовались в малиновых мантиях и шапочках.

– Садитесь, пожалуйста, – проскрежетал адвокат, с видимым дискомфортом опускаясь в кресло. Шрам на его шее отливал глянцем, характерным для давно зарубцевавшихся тканей.

Из стоявшего рядом с письменным набором хумидора¹¹ Коэн взял три сигары «Кларо».

– Курите?

– Нет, спасибо.

– Тогда и я не буду. Может быть, продлю жизнь еще на пять минут... – Он посмотрел на Майло. – Я с вами разговаривал.

– Да, сэр.

– А вы...

– Алекс Делавэр.

– Знакомая фамилия. Необычная. Американский индеец?

– Предположительно, отчасти.

– Есть психолог с таким именем, занимается опекуномством.

– Это я.

Коэн наградил меня долгим, оценивающим взглядом.

⁹ Британский стиль первой трети XIX в.

¹⁰ Обюссон – французский город, где много столетий назад возник гобеленный промысел, причисленный в наши дни к нематериальному культурному достоянию человечества.

¹¹ Сигарный ящик.

– Мир тесен. Вас рекомендовали мне как человека, который не позволяет всякого рода дельцам себя дурачить. К счастью, тот вопрос решен, и мне не пришлось проверять эту гипотезу.

– Повезло.

– О да. Когда я только начинал, хватался за каждого подвернувшегося клиента. Какое уродство, какая злоба... В шестьдесят пять, вместо того чтобы уйти на покой, я решил браться лишь за те дела, где высокая степень враждебности представлялась маловероятной. – Он негромко, будто сдул пылинку, рассмеялся. – Другие сваливал на дочь. Она молода, ее сердечно-сосудистая система выдержит.

– С Кори риск был невелик.

– Переходим к делу, да? – Старик повернулся к Майло. – Позвольте осведомиться, чем вызвано присутствие здесь психолога?

– Мы иногда консультируемся с доктором Делавером.

– Детская психология здесь ни при чем. Девочки Кори уже не дети. Одна вполне совершеннолетняя.

– Мы приглашаем доктора Делавера, если случай необычен.

– Понятно... Вообще-то нет.

Майло промолчал.

– О'кей, не будем заниматься пустяками. Вы пришли узнать о бедняжке Урсуле. Не моя клиентка, но тем не менее женщина очень симпатичная. Любезная, обходительная. По части манер британцы определенного класса выше нас на две головы.

– Вы представляете ее мужа...

– И все же говорю о ней приятное? Это мой пунктик. Я считаю себя арбитром, третейским судьей, а не воином, и с этой точки зрения Кори мне подходили. Время от времени у них возникали разногласия, но речь шла об их устранении, а не о том, чтобы пустить кровь. – Он моргнул. – Неудачно выразился. Ой-вей¹², ужасно. Как вы узнали обо мне?

– Миз Кори убили на автостоянке здания, где помещается офис ее адвоката.

– Феллингера? И он направил вас ко мне?

– Мы спросили, он назвал вас, мистер Коэн.

– Дайте угадаю – Грант представил дело так, что мы с ним лучшие друзья и вот-вот готовы собрать вещи и отправиться вместе в круиз.

– Он высоко ценит вас, сэр.

– Послушайте. – Коэн отклонился назад и сложил руки на пряжке ремня. – Не хочу показаться грубым, но правда в том, что я терплю Гранта, поскольку он проявлял терпимость.

– В течение пяти лет.

– Вы заблуждаетесь, лейтенант. Да, Кори инициировали развод пять лет назад и завершили его два года спустя, но самые серьезные переговоры прошли в первый год. Так что о постоянной пятилетней тяжбе речи нет.

– Вы подключались по мере необходимости.

– Занимались тем, что называется тонкой настройкой. И да, я могу принимать Гранта только небольшими дозами. Откровенно говоря, определяющим фактором было то, что Урсула – его клиент. Такая чудесная женщина... Можно спросить, как ее убили?

– Застрелили.

– Вей из мир¹³. На парковочной стоянке? Грабеж?

– Непохоже.

– Тогда что?

¹² Ужасно (*идши*).

¹³ Какое горе (*идши*).

– Это мы и пытаемся выяснить, мистер Коэн.

– Застрелили... Ужасно. Трудно представить, что Урсулы нет. Она была такая живая, энергичная... Творческая. Да, в бизнесе именно она была креативной силой.

– Расскажите нам об этой тонкой настройке, сэр.

– В этом отношении я жестко ограничен рамками конфиденциальности. В отличие от Феллингера мой клиент жив. – Коэн покатал сигару между ладонями. Такая же привычка была и у Майло, только он курил другой сорт.

– Позвольте спросить, лейтенант. Что рассказал вам Грант о своей работе для Урсулы?

– Кори развелись, но продолжали сотрудничать на вполне дружеской основе. Время от времени у них возникали разногласия по финансовым вопросам, главным образом относительно стоимости «Уррич Лтд.».

Старик молчал.

– Вы согласны с его видением ситуации, мистер Коэн?

– Вы же не слышите моих возражений, лейтенант.

– Ситуация, должно быть, довольно странная, сэр.

– Что в ней странного?

– Бывшие супруги продолжают деловые отношения.

– Такое случается чаще, чем вы думаете, – сказал Коэн.

– С положительными последствиями?

Адвокат задержал сигару между указательными пальцами.

– Нет. Обычно нет. В идеальном мире бизнес можно разделить по справедливости, и тогда партнеры добровольно преследуют собственный интерес. Иногда у меня такое получается. Если те самые интересы независимы.

– У Кори интересы тесно переплетены. Они нужны друг другу.

Коэн улыбнулся.

– Феллингер объяснил, чем они занимаются?

– Импорт-экспорт дешевых товаров из Азии.

– Цветы Востока... Да, жалкие безделушки, цацки.

– И теперь ваш клиент получает все, от стебля до лепестков.

– Поэтично, – сказал Коэн. – Но, по правде говоря, я не уверен, что Ричард сможет вести бизнес дальше.

– Поскольку Урсула была креативной силой.

– Совершенно верно. Без нее бизнес, скорее всего, не пойдет.

– Следовательно, у вашего клиента нет мотива.

– Я его не вижу.

– Мистер Феллингер, – вступил я, – упомянул, что последний конфликт возник примерно год назад.

Коэн пожал плечами.

– Мистер Феллингер также сказал, – продолжал я, – что он не сомневался в успешном разрешении всех противоречий.

Адвокат рассмеялся.

– Не согласны? – спросил Майло.

– Я, старик, детектив. Мои пророческие силы истощились. Зачем Урсула встречалась с Грантом сегодня?

Майло улыбнулся.

– Не важно. – Коэн положил сигару в ониксовую пепельницу и, опершись ладонями на стол, неуверенно поднялся и глубоко вдохнул. – Вы, конечно, будете разговаривать с Ричардом, если уже не поговорили. Что он скажет вам, это его прерогатива, но мне больше сказать нечего.

Старик открыл дверь.

- Прекрасная, элегантная женщина... Как с этим справляются дочери?
- Они еще не знают.
- Вы их скоро проинформируете.
- Это часть нашей работы, мистер Коэн.
- Не завидую. Ричарду тоже сообщите? Потому что я предпочел бы этого не делать.
- Мы предпочли бы то же самое, сэр. Пожалуйста, не звоните ему и не говорите никому об убийстве.
- Убийство... Щелкнул пальцем – и нас уже нет. – Старик покачнулся, оперся о дверной косяк и несколько раз глубоко вдохнул. – Если это все, джентльмены, мне назначено у доктора.

* * *

- В вестибюле Майло сказал:
- Защитник Урсулы поддерживает Ричарда, а защитник Ричарда восхищается Урсулой.
- В следующий раз стоит ждать фургон хиппи, раздающих маргаритки.
- Мир и любовь, – согласился я. – А пока в фургоне везут Урсулу в морг.
- Лейтенант уставился на меня.
- Разве цинизм – не мой конек?
 - Немножко поделиться никому не повредит.
 - Знаешь, что Оскар Уайльд сказал о циниках?
 - Они знают цену всему, но ничего не ценят.
 - Глупо было спрашивать. А как насчет атомного веса молибдена?
 - Понятия не имею.
 - Благодарю тебя, боже, за маленькие милости.

Глава 4

Припарковав «Севиль» на автостоянке с паркоматом в Беверли-Хиллз, я поймал себя на том, что ищу взглядом камеры. Отыскал несколько, но при этом и белых пятен осталось немало.

Я указал на это Майло.

– Убийца Урсулы следил за местом? – спросил он.

– Я бы так и сделал.

Лейтенант рассмеялся.

Я завел мотор.

– Куда теперь?

– Сначала в участок – отдать диски с записями с камер наблюдения, потом в квартиру Ричарда. – Он заглянул в записи. – Джеймстаун-Уэй, Мандалай-Бэй. Если я не арестую папочку раньше, извещать дочерей придется ему самому.

* * *

Лейтенант заранее предупредил Мо Рида, и молодой детектив, как всегда розовощекий, здоровенные руки которого испытывали на прочность рукава, уже ждал нас возле участка, чтобы забрать диски.

– Развлекайся, Мозес.

– Вечер кино? Может, заказать пиццу?

– И пива. На случай, если не найдешь ничего интересного и заскучаешь.

– Я к этому привычный, – ответил Рид. – Хотя мысль насчет пива не так уж и плоха.

* * *

Дорога от Западного Лос-Анджелеса до прибрежных городов за Малибу занимает обычно не меньше часа. На 405-й, перед выездом на 101-ю, я угодил в пробку, но нагнал упущенное на скоростной автостраде, так что в результате уложился в шестьдесят пять минут. Майло почти все время спал. Уже на въезде в Окснард он подтянулся, потер кулаками глаза, застонал и пробормотал что-то насчет серфинга.

– Ты когда-нибудь пробовал? – спросил я.

– Шутишь? Акулы же.

* * *

Окснард – один из самых сермяжных городков округа Вентура, место, трудное для жизни, опоясанное по внешним границам агропредприятиями и грузовыми парками. Дальше идет кольцо трейлерных парков, обслуживающих сезонных рабочих, и скромные участки, занятые поколениями семейств «синих воротничков». Банда местных латиносов заявляет о себе нескладными агрессивными граффити. Уровень преступности здесь один из самых высоких в регионе.

Совершенно другой Окснард предстает, когда вы проходите мимо длинного, индустриального парка и направляетесь на запад к океану. Когда достигаете гавани, появляется совершенно другая планета: роскошные отели, туристические пирсы, предлагающие морепродукты

и туры наблюдения за китами, прогулочные пристани, переполненные гладкими белыми яхтами, время от времени покидающими свои причалы.

Кластеры дорогой современной застройки теснятся вдоль бухточек, врезавшихся в западный край города. Одна из таких бухточек – Мандалай-Бэй, воткнувшийся в берег палец безмятежно синей воды, обрамленный свеженькими частными домами и многоэтажками, многие из которых оборудованы пристанями и лодочными причалами.

Мы подъезжали к выкрашенному в абрикосовый цвет двухсемейному таунхаусу, где обосновался Ричард Кори, когда в небо взмыл клин пеликанов, а в носу зачесалось от соленого запаха моря. «Кори Р., Уррич Лтд.» – на северной стороне здания.

* * *

На звонок в дверь ответил лысый подтянутый мужчина с белой бородкой клинышком с торчащими кое-где непокорными волосками. Одет он был в синюю полинявшую рубашку поло и пестрые желтые шорты. Обувь отсутствовала, лицо и руки выглядели более загорелыми, чем ноги. Узкие очки для чтения висели на краешке длинного мясистого носа. Маленькие карие глаза выглядели блеклыми и водянистыми. Незанятая бородкой часть лица заросла двух- или даже трехдневной щетиной.

– Да?

– Ричард Кори? Лейтенант Стёрджис, полиция Лос-Анджелеса.

– Лос-Анджелес? – Кори поправил очки и оценил удостоверение. – Отдел убийств. Не понимаю.

– Нам можно войти?

Кори побледнел.

– Кто-то из девочек? Боже, только не говорите...

– Боюсь, речь идет о вашей бывшей жене.

Кори пошатнулся. Карточка выпала из его пальцев, и он даже не попытался поднять ее.

– Урсула? Не может быть... Я же разговаривал с ней сегодня утром.

– Мне очень жаль. Сочувствую вашей потере и...

– Моей потере? А как же девочки... у нас дочери. – Он вздохнул. – Они знают?

– Еще нет, мистер Кори. Можно войти?

– Господи, как же я им скажу? Урсула... Что случилось? – У Кори перехватило горло.

Из оставшегося открытым рта пахнуло несвежим дыханием. – Как такое могло случиться? Где это произошло?

– Пожалуйста, сэр, мы можем войти и поговорить?

– Войти? Конечно, входите, да. Боже мой! – Кори отступил. По его щекам уже стекали слезы.

Значительную часть работы полицейские делают по телефону; некоторые даже извещают таким образом родственников погибших. Майло пришел лично в том числе и потому, что хотел видеть первую реакцию Кори. Психопаты, при всех своих способностях манипулировать другими, испытывают проблемы с эмоциональной регуляцией и обычно впадают в одну из двух крайностей: неумную театральность или холодный стоицизм.

Поведение Ричарда Кори, на мой взгляд, не соотносилось ни с тем ни с другим. Входя в квартиру, я бросил взгляд на лейтенанта. Тот держался стойчески.

Кори последовал за нами, потом прибавил шагу, прошел вперед, устало рухнул на обитую искусственной замшей софу и закрыл лицо руками. Планировка широкого, просторного помещения отличалась продуманностью и вкусом: стильная, хром с тиком, кухня, высокий, с открытыми балками потолок, стекло вместо штукатурки повсюду, где можно, и роскошный вид на залив и океан за ним.

Однако за годы после развода Ричард Кори так и не обустроил свое холостяцкое гнездышко должным образом. Место, которое он выбрал сам и в которое вложил полтора миллиона долларов, осталось пустым и производило унылое впечатление, как типичная временная обитель только что въехавшего одиночки: чистые стены, голые деревянные полы, одинокая софа и два металлических, с черным виниловым сиденьем, складных стула, сорокадюймовая плазма на шлакобетонных блоках с путаницей проводов под ногами и хлипкая на вид беговая дорожка справа от ведущего в спальную зону коридорчика.

Нижнюю часть самого лучшего вида – стеклянную дверь с выходом на пустынный причал – закрывал выглядевший здесь неуместным сколоченный из фанеры стол, на котором поместились лэптоп, станция для сотового телефона и лазерный принтер. И тоже змеящиеся провода на полу, добрую треть которого занимали стопки каких-то бумаг. В воздухе пахло океаном, несвежей пищей и вялостью.

Заняв единственное мягкое посадочное место, Ричард Кори беззвучно плакал, а мы стояли и ждали.

– Извините, – пробормотал он наконец и поднял голову. Потом, шмыгнув носом, поднялся, прошел на кухню и, порывшись в ящиках, вернулся с обеденной салфеткой, вытирая лицо и шаркая ногами.

– Так что же, черт возьми, случилось? – спросил Кори, дергая бородку.

– Мне очень жаль, что приходится говорить вам это, но миссис Кори застрелили на парковочной стоянке офисного здания ее адвоката.

– В здании Феллингера? В Сенчури-Сити? И что, ограбление? Из-за «Ягуара»?

– Похоже, не тот случай.

– Тогда что? Нелепость какая-то!

– Именно поэтому мы здесь. Чтобы попытаться понять.

Кори как будто замер. Мы сели на складные стулья.

– Феллингер, – медленно произнес Кори. – Она сказала, что договорилась о встрече. Это я и имел в виду, когда сказал, что мы разговаривали.

– Во сколько это было, сэр?

– Утром. Часов, может быть, в восемь. Мы обсуждали кое-какие деловые вопросы – у нас бизнес, и в Таиланде задержали груз. Тогда же Урсула упомянула, что собирается к Феллингеру. Но не насчет развода; она хотела, чтобы я знал об этом.

– Миссис Кори сообщила, зачем встречается с мистером Феллингером?

– Она собиралась разделить драгоценности между девочками. Я сказал, что в этом есть что-то нехорошее, она же еще молодая, здоровая женщина. – Кори вздохнул. – Откуда мне было знать? Господи... – Он снова всхлипнул, но сдержался. – Так что все-таки произошло? – Лицо его напряглось, взгляд заметался. – О нет, нет, мне ведь придется рассказать девочкам...

– Сэр, если можно...

– Как я это сделаю? У вас есть опыт в таких делах. Как рассказать о таком детям?

– Мы поможем вам, но сначала нам нужно немного поговорить. – Майло взглянул на меня – *твоя работа, уж будь любезен*.

Ричард принялся раскачиваться взад-вперед.

– Какой ужас...

– Итак, миссис Кори сообщила вам сегодня утром, что собирается встретиться с мистером Феллингером.

Кивок.

– Она не хотела, чтобы вы беспокоились...

– Мы развелись три года назад, но несколько раз возвращались к переговорам. Она не хотела, чтобы я думал, будто здесь снова что-то из той же серии.

– Похоже, вы сохранили дружеские отношения.

– Дружеские? Скажу от себя – да, мы развелись юридически, но не в духовном плане... Черт, мне надо выпить.

Кори снова поспешил на кухню, достал из шкафчика наполовину полную бутылку джина «Бомбей Сапфир», налил на два пальца в стакан для сока и там же, у стойки, сделал хороший глоток. Потом долил в стакан еще столько же и еще чуть-чуть, и снова упал на софу. Немного джина выплеснулось на колено. Кори смочил палец и облизал его.

– Итак, вы и миссис Кори... – начал Майло.

– Никаких миссис – *миз*. Урсула была всецело за независимость. Умная, талантливая, отличная мать и... что я теперь скажу девочкам?

– В таком деле легко не бывает, но мы сможем помочь вам, если пожелаете.

– Да. – Он снова обмяк и закрыл лицо руками. – Я совершенно разбит.

– Поможем, сэр. Обязательно. Но мне нужно кое о чем вас расспросить.

Кори поднял голову.

– Конечно. Понимаю. У вас свои дела. Хорошо. Что я могу вам рассказать?

– Вы уже три года как развелись с миз Кори, но не считаете, что порвали духовные связи.

– Это я метафорически. От сердца. – Кори похлопал себя по логотипу на рубашке. – Между нами была особенная связь. Я не переставал любить Урсулу, и она, надеюсь, не переставала любить меня. Так было всегда с тех пор, как мы встретились.

– Где вы встретились?

– Двадцать четыре года назад, на бизнес-семинаре в Скоттсдейле; какие-то типы с Уолл-стрит предлагали пути к богатству. Мы с Урсулой быстро их раскусили, поняли, что все это полнейшая чушь, и объединились, так сказать, на основе скептицизма. Остальное пришло потом.

– То есть личное, – сказал я.

Кори кивнул.

– Мы, конечно, не Баффетты¹⁴, но свой большой бизнес построили. И да, деловые отношения довольно быстро переросли в личные. Примерно через полгода.

Его взгляд ушел за окно.

– Расскажите о себе, – попросил Майло.

– Я занимался тогда оптовой продажей одежды. Моя профессия – бухгалтерское дело. – Он поник и ссутулился. – По сути, счетовод высокого уровня. Но ни одна из компаний, в которых я работал, не была успешной. Урсула училась в Лондонской школе экономики – она англичанка, много путешествовала по миру, долго жила в Азии, поскольку ее отец служил военным атташе в разных местах. К тому времени, когда мы познакомились, никакого опыта управления бизнесом у нее не было, но имелся креативный талант и понимание азиатского сегмента рынка здесь, в Америке. Мы составили фантастическую команду.

– Чем вы занимаетесь?

Кори поморщился.

– Без Урсулы... Я не знаю, что будет дальше, не знаю, сможем ли мы что-то делать.

Майло ждал.

– Так в чем вопрос? – спросил Кори.

– Ваш бизнес...

– Мы импортируем потребительские товары, главным образом из Вьетнама и Таиланда. Все отбирает только сама Урсула. Я в Азии не бывал, а она – раз пятьдесят или шестьдесят. Такой она человек, во все вникает сама, заключает сделки, находит оптовиков, которым мы все продаем... И какая же мразь сотворила такое с моей девочкой?

Он допил джин и попытался подняться, но Майло быстро встал и не дал ему это сделать.

¹⁴ Уоррен Эдвард Баффетт (р. 1930) – американский магнат, один из богатейших предпринимателей мира.

– Извините, сэр, но мы бы предпочли, чтобы вы не выпивали больше, пока мы не закончим.

Кори посмотрел на него с упреком.

– Я вполне в состоянии...

– Нисколько не сомневаюсь, сэр.

– Ладно, вы делаете свое дело, и я вам не завидую. – Ричард снова сел. – Что еще хотите знать?

– Пожалуйста, сэр, не обижайтесь, но я обязан это спросить. Где вы были сегодня между девятью часами утра и полуднем?

– Здесь, занимался бумажной работой.

– Вас кто-нибудь видел?

– Видел ли меня... Да вы шутите! Нет, наверное, никто. Так, ладно, понимаю... Я смотрю детективные сериалы; муж всегда первый подозреваемый, так что обижаться не стану. К сожалению, никакого алиби у меня нет. Но оно у меня было бы, если б я замыслил какое-то злодеяние, ведь так? Меньше всего сегодня утром я думал о том, что мне понадобится алиби. Около восьми позвонила Урсула. Я уже вышел в онлайн, связался с судовым агентом и пытался разрулить ситуацию с нашим грузом в Бангкоке. Все время оставался здесь. Я вообще, если хотите знать, уже несколько дней не выходил из дома. Ясно?

– Ясно, сэр. Спасибо.

– Так что теперь? – спросил Кори. – Я действительно подозреваемый? Ладно, никаких проблем, делайте свое дело, а мне скрывать нечего. Но, занимаясь мной, вы только попусту теряете время.

– Уверен, сэр...

– Стоп. – Ричард поднял палец. – Вспомнил кое-что. – Он коротко и зло хохотнул. – Возможно, у меня все же есть алиби. В тех самых сериалах говорят, что звонки по сотовому телефону можно отследить. Через вышку. Это правда?

– Мы можем установить местонахождение...

– Ну так установите. Если я не работал на компьютере – а это тоже можно проверить, – то говорил по телефону. Вышки скажут вам, что я был здесь. Как сел, так задницу от стула и не отрывал. – Кори почесал названную часть тела. Потом проделал то же самое с бородой. На грудь посыпалась перхоть.

– Это нам помогло бы, – сказал Майло. – Если вы дадите разрешение...

Кори вскочил, подошел к столу и коснулся экрана ноутбука.

– Идите сюда.

Набрав пароль, он открыл почтовый ящик и медленно прокрутил страницу с шестью или семью десятками сообщений, отправленных в трехчасовой временной промежуток. Едва ли не в каждом упоминались названия, подобные «Олл Стар Фэшн Импортс», «Ямата Хоум Декорейтинг», «Пэрэдайз Гифтс оф Чайнатаун». Входящая корреспонденция занимала две страницы, и большинство сообщений поступили от «Бэнг-Бак Сьюпириор Гудс» и «Лейдинг оф Бангкок, Лтд.»

Единственным исключением, которое я успел заметить, был встретившийся дважды адрес ashleycee@westrnmail.net.

– Моя младшая дочь, – пояснил, открывая первое письмо, Кори.

Привет, пап, уроков нет, пошла поработать с Сидни. Насчет обеда в чт без изменений?
XX¹⁵ Э.

– Сидни – ее лошадь. – Кори вздохнул и закрыл почту.

– Напряженное утро, – заметил Майло.

¹⁵ Знак поцелуев.

– Ничего особенного, такая уж жизнь, – вздохнул Кори. – Урсула – натура артистическая, а вся скучная работа лежит на мне, и ее целый воз. Так что, алиби уже не требуется?

Люди одной с ним налоговой шкалы часто передают другим решение своих проблем. Кори вполне мог оставаться дома и заниматься бизнесом, поручив грязную работу нанятому киллеру.

– Извините, сэр, но, как я уже сказал, мы вынуждены задавать трудные и неприятные вопросы. – Майло кивком указал на софу. В первый момент Кори как будто попытался сделать вид, что никакого жеста не заметил, но потом пожал плечами и погрузился в оставленное им самим углубление в подушках. Но теперь он сидел прямо, положив руки на голые колени и глядя прямо перед собой.

– Понимаю, мистер Кори, время трудное, – начал лейтенант.

– Обойдемся без вступлений. Спрашивайте, что вам нужно.

– Мы уже разговаривали с мистером Феллингером и мистером Коэном, и они дали нам общую картину, но не вдавались в детали. Очевидно, что вы и ваша бывшая супруга возвращались к адвокатам, чтобы обсудить финансовые вопросы...

– Не обсудить, а уточнить, – перебил его Кори.

– Не могли бы вы пояснить, что именно уточняли?

– Некоторые детали, мелочи...

– Какие, например?

Кори вздохнул.

– Не понимаю, какое это имеет значение, но так уж и быть. Мы не всегда сходились в цене бизнеса, а это было необходимо на тот случай, если бы мы когда-нибудь решили отойти от дел, все продать и поделить выручку. Ни того ни другого мы не сделали, но, как говорится, точки над «i» расставили. Такая у нас была общая черта – дотошность. Поэтому, в частности, у нас хорошо все получалось. А теперь?.. Наверное, придется, как говорится, сложить шатры. И это в то время, когда экономика идет вверх... Какая ирония, да? Я к тому, что перспективы обнадеживали, и мы с Урсулой рассчитывали, что год будет самый лучший. А теперь?.. Что же, будь оно проклято, случилось?

– Знаете ли вы кого-нибудь, кто желал бы зла миз Кори?

– Никого. Так, говорите, те двое дали вам общую картину, да?

– Вообще-то, это сделал мистер Феллингер, а мистер Коэн защищал вашу конфиденциальность.

– Какой молодец. – Язык у Кори уже заплетался. – А они рассказали вам, что спали с Урсулой?

Майло моргнул.

– Сэр?

– Феллингер – точно. Насчет Эрла доказательств нет, но пари я бы заключил. В наше время достать «Виагру» могут даже мумии.

– То есть вы полагаете...

– Не полагаю, а знаю. – Кори глуповато хихикнул. – Урсула даже не пыталась это скрывать. Пару лет назад, во время одной встречи в офисе Феллингера, я обратил внимание, что он сидит слишком близко к Урсуле и смотрит на нее совсем уж откровенно. Потом спросил ее напрямик, а она взяла да и призналась. Я вспыхнул, сказал со зла, что Феллингер сделает ей скидку. Урсула притворилась, что обиделась, попыталась дать мне пощечину, но потом не удержалась, и мы вместе хорошо посмеялись. Она еще сказала, что голый он похож на обезьяну.

– Но...

– Да, парни, так оно и было. Призналась и рассказала. Урсула. Независимая. Когда мы были женаты, такого, конечно, не случалось. По крайней мере, я так не думаю. Но потом... Она как будто наверстывала упущенное.

– Вас это не раздражало?

– Разве я не сказал? Конечно, раздражало, ведь я ее любил. А представить ее с обезьяной – не очень-то приятная картина, но что я мог сделать? И, если откровенно, то, с какой легкостью Урсула говорила об этом, само ее поведение, как-то смягчало обиду, превращало случившееся в банальность, опускало до уровня пошлости. Мол, что тут особенного?

– Похоже, для нее этот случай ничего не значил в эмоциональном плане, – заметил я.

– Верно, – согласился Кори.

– И вы думаете, что она также могла спать с Эрлом Коэном?

– С этим старым хреном? На этот счет она ничего мне не говорила, но я хорошо улавливаю ее невербальные сигналы, и однажды, когда мы были в офисе Эрла, у меня возникло отчетливое ощущение, что он скорее защищает ее интересы, чем мои, хотя и значится моим адвокатом. Потом, когда мы ушли, я спросил Урсулу об этом, но она только рассмеялась. И все-таки... готов поспорить, что после развода она пустилась во все тяжкие.

– Вы знаете кого-нибудь еще, кто...

– Имен не знаю, но дочери говорили – по секрету, конечно, – что встречается она со многими.

– Как вы чувствовали себя?

– Поначалу сильно задевало, но я понимал, что это нерационально, ведь мы разведены. Никаких притязаний на Урсулу у меня не было. Я не стал изводить себя, а научился жить с этим, как другие учатся жить с алкоголиком, наркоманом или скрягой. Не будем хитрить, причуды есть у каждого, вот и у нее они были... – Кори посмотрел в пустой стакан. – Знаю, парни, вы осуждаете нас, но я любил ее и хотел для нее счастья, так что хотите – верьте, хотите – нет, мне наплевать.

– Вы с Урсулой продолжали... – начал я.

– Время от времени. – Веки его дрогнули, глаза закрылись, а потом открылись, но только наполовину. Он снова с тоской посмотрел на стакан. – Со мной она занималась любовью, с остальными – только сексом. Когда я перестал воспринимать это как предательство, а стал относиться как к обеду с друзьями, все успокоилось.

Кори опустил стакан.

– Прозвучит грубо, но... Вы присутствовали при вскрытии Урсулы? Детективы ведь обязаны присутствовать, или нет?

– Для вскрытия немного рановато, сэр.

– Так вот вам предсказание для вскрытия. Когда с нее снимут одежду – облегающие джинсы, да? – то обнаружат, что трусиков нет. Откуда знаю? После развода Урсула сама назвала мне свой новый девиз: *Всегда готова!*

– Смело и рискованно, – сказал я.

– Как револьвер со взведенным курком.

Если метафора и заставила его задуматься, Кори этого не показал и начал неторопливо поворачивать стакан в руках.

– Поверьте, парни, так оно и будет. Урсула потеряла чувство меры и переспала с кем не надо, с каким-нибудь подонком. Думала, что понимает его, но ошиблась. Я к тому, что можно рисковать, ходить по лезвию, но рано или поздно все равно порежешься.

– Почему вы развелись? – спросил Майло.

Кори скрестил худые ноги.

– Потому что так хотела Урсула, а я тогда не смог найти причину, чтобы сказать ей «нет».

– Она ведь и раньше об этом говорила, – сказал я.

– Постоянно. Под стрессом, каждый раз, когда у нее портилось настроение или наступала черная полоса, она заводила разговор на одну из трех своих любимых тем: сбежать в какое-

нибудь тихое местечко и жить там неспешно и спокойно; или перебраться в Азию, потому что она, хотя и не верила в бога, восхищалась буддистами и их способностью двигаться дальше.

Он снова взял стакан и посмотрел в сторону кухни.

– А третья тема? – спросил я.

– Извините?

– Вы сказали, что у нее было три любимых темы.

– Да. – Ричард Кори кивнул. – Развод. Каждый раз, когда что-то не ладилось, она хотела развода. Чем скорее, тем лучше. Без всякой на то причины, без предупреждения, без какого-то прокола с моей стороны. Как мне сейчас представляется, все эти три темы сводились к одному: Урсула чувствовала себя в ловушке и хотела из нее вырваться. Неприятно, больно? Да, поначалу; но потом я научился просто не слушать.

– Что же изменилось? – спросил я.

Кори переменял позу.

– Вам обязательно нужно это знать?

Мы с Майло кивнули.

– Ладно, так и быть. Изменилось вот что: мне показалось, что я нашел кое-кого, и однажды, когда Урсула в миллионный раз завела старую пластинку, сказал ей, мол, хорошо, давай разведемся. Вот тогда она вскинулась. Разозлилась, взорвалась. Но, наверное, решила, что я блефую, потому как на следующий день заявила, что наняла Феллингера. Я ответил, что да, правильно сделала, и обратился к Коэну. А остальное – это уже не брачная, а антибрачная история.

– Вы упомянули стресс...

– Ничего особенного, мелочи, с которыми мы легко справлялись. Я мог разозлиться из-за того, что она не разослала формы заказов; ее могло взбесить, что я не сообщил о полученных отчетах. Смех, да и только. Мы ругались, мирились и шли дальше. Но в тот раз было по-другому. Я встретил кое-кого и надеялся на лучшее. Поэтому, когда Урсула снова понесла бред насчет развода, я сказал – давай, вперед, догоняй ушедший поезд. Глупо? Наверное. Но мы с Урсулой остались друзьями, и, по правде говоря, это всегда было самой лучшей частью наших отношений. Дружба. Так что избавление от остального воспринималось едва ли не с облегчением. И бизнес шел, как и прежде. Даже лучше, если хотите знать. Год после развода был для нас лучшим.

– Раз уж вы об этом заговорили, – сказал Майло, – где находится ваш офис?

– Вы в нем сейчас. Мы оба работали из дома. Расходы меньше, а если что, то и в волосы друг другу не вцепишься.

– Вы упомянули, что встретили кое-кого, – начал я.

– Дело прошлое. Она не вписывалась, и мне не понадобилось много времени, чтобы это понять. – Кори рассмеялся. – Буддистка. Ну не забавно ли, а?

– Вы познакомились, занимаясь бизнесом?

Он посмотрел на меня.

– Верно угадали. Но, пожалуйста, не спрашивайте больше о ней. Она хороший человек, и мне не хотелось бы портить ей жизнь. А теперь, парни, если вы хотите спросить что-то еще об Урсуле, задавайте ваши вопросы, потому что мне еще нужно обдумать, как сообщить дочерям, что их матери больше нет.

Всё, деловой тон. И сухие, как Сахара, глаза.

– Сэр, мы сами можем известить их, – предложил Майло.

Ответа не последовало, и на лице Кори не отразилось никаких эмоций.

– Сэр?

– Да, наверное... Вы действительно это делаете? Сообщаете детям?

– При необходимости, мистер Кори.

– Не хотелось бы, чтобы они думали, будто я свалил это на вас...

– Решать, конечно, вам, – сказал Майло, – но мы можем объяснить, что сами настояли на таком варианте, поскольку речь идет о расследовании убийства.

Кори почесал бороду.

– Вы так думаете? Ну да, конечно.

– Как только мы закончим, я позвоню, и вы сможете приехать и побыть с ними.

– Полагаете, так для них будет легче?

– Легче не будет, мистер Кори, – сказал Майло, – но в этом вопросе опыта у нас побольше.

К сожалению.

– Передать дело в руки экспертов... Я сам так делаю, полагаясь на торговых агентов и перевозчиков. Ладно, давайте так и договоримся. Потому что, если честно, я на ваше место даже на спор не пошел бы. Вы уж не обижайтесь.

– Какие обиды, сэр... Хотите сказать что-то еще, что могло бы помочь установить убийцу миз Кори?

– Если узнаю имена тех, с кем она встречалась, назову их вам. Думаю, это кто-то из них.

– А мы проверим. Вспомните что-то еще – дайте знать.

Мы поднялись. Обменялись рукопожатиями. Ладони у Кори были сухие, как и глаза.

Уже на выходе Майло вдруг сказал:

– Еще одно, сэр. Вы дали нам устное разрешение на доступ к вашим звонкам. Не могли бы вы подписать соответствующую бумагу?

Кори посмотрел на него с прищуром.

– Вы серьезно? Я все еще в подозреваемых?

– Дело не в этом, сэр. Чтобы исключить человека из числа подозреваемых, требуется надежное обоснование. Проверим все в отношении вас – сможем двигаться дальше. Но если у вас с этим какие-то проблемы, мы поймем.

– Никаких проблем, черт возьми! Почему бы и нет? – Кори вернулся к самодельному столу, нацарапал что-то на листке бумаги и протянул его Майло. – Всё?

Майло прочитал.

– Пожалуйста, сэр, поставьте дату и распишитесь.

– О боже... – Ричард снова склонился над листком. – Держите.

Он прихватил стакан и ушел на кухню, где налил на три пальца джина и выпил, повернувшись к нам спиной.

* * *

Выйдя из дома, мы прошли к той стороне, что выходила к воде. Перилам, покрытым засохшим птичьим пометом, определенно не доставало внимания и заботы. Мимо проплыли несколько уток. Пустой, заброшенный причал. Кружа вверху, пронзительно кричали чайки. Мы вернулись к «Севиль».

– Станный мужик. Сначала плачет, слезы льет, потом как будто... даже не знаю, как сказать, будто сухарем вдруг стал. Может, у него паранойя? Чтобы оба адвоката трахали Урсулу? Хотя, может быть, так оно и есть, а он просто научился смотреть в лицо реальности?

– И называть ее револьвером со взведенным курком?

– Да... В общем, несмотря на алиби, ты по-прежнему и в той же степени, как и до встречи, считаешь его подозреваемым. – Я рассмеялся.

– Знал, что ты так скажешь, – заметил Майло.

Глава 5

Дорога от квартиры Ричарда Кори в Окснарде до Лобо-Кэньон, где жила его бывшая супруга, занимала не больше тридцати минут.

– Как удобно, – сказал я. – Эти двое, хотя и разошлись, но далеко друг от друга не разъехались.

– Может быть, Ричард говорил правду насчет того, что они остались лучшими друзьями.

– Или только он так считал.

– Он не первый бывший, кто за это цепляется.

Мы уже мчались по 101-й, когда Майло, глядя в окно, сказал:

– Все думаю, как он описал ее сексуальную жизнь. Как-то странно.

– Странно, извращенно, противоречиво.

– «Люблю ее безумно, грязную шлюху».

– То сидит, убитый горем, то вдруг рассказывает, что она не носит белье, потому что всегда готова.

– Давай посмотрим, прав ли он. – Лейтенант набрал номер морга. Ему ответили, что тело привезли, но очередь до него еще не дошла.

– Особенно странным выглядит рассказ о том, что она спала с обоими адвокатами. Мы бы и не узнали. Если это, конечно, не паранойя.

– Жenuшка спуталась с обезьяной.

– Обратив эпизод в шутку, он как бы частично взял ее сексуальность под свой контроль. То есть она не поменяла его постель на постель другого мужчины, но обеспечила их обоих развлечением.

– Так, может быть, Ричард из тех парней, которые кончают, наблюдая, как их половина забавляется с другим?

– Может быть, но это всегда рискованная игра. Приоритеты меняются, и актриса вдруг изъявляет желание стать режиссером. Не исключено, что в этом и кроется истинная причина развода.

– Урсула стала слишком независимой, – сказал Майло. – Ричард признался, что она постоянно грозила разводом.

– С другой стороны, он стремился к контролю, угрозы Урсулы представлял как импульсивную чепуху и утверждал, что окончательное решение принял сам.

– Говорил, что она блефует. Ничего, кроме враждебности, в этом нет. Чем больше я думаю, тем сильнее склоняюсь к тому, что мы разговаривали с человеком чрезвычайно раздраженным и злым.

– А если окончательное решение принял не он, а Урсула, перешедшая от угроз к делу? – предположил я. – Его алиби мало что значит, поскольку люди такого уровня предпочитают нанимать исполнителя. Несколько миллионов долларов, даже после уплаты налога на недвижимость, – вот и дополнительный мотив.

– При условии, что Урсула завещала ему свою долю.

– Как бывшая супруга, она, может быть, и не хотела этого, но как деловой партнер была ограничена в выборе. Это увязывается с тем фактом, что оба бывших супруга снова и снова пытались провести оценку «Уррича». Если б их партнерство подошло к концу, интересы обеих сторон были бы надежно защищены. Но даже если б Урсула завещала все дочерям, Ричард мог бы найти способ контролировать их долю.

– Папочка знает лучше. – Майло кивнул. – Дайте ему вести бизнес и пользуйтесь всеми выгодами. Вполне разумно. Единственную слабость финансового мотива я вижу в том, о чем

нам сказали и Феллингер, и Коэн: для поддержания бизнеса в рабочем режиме требовались оба Кори.

– Как я уже говорил, приоритеты меняются. Урсула знала азиатские рынки и содействовала успеху творческим подходом, но что, если Ричард встретил кого-то, кто мог бы ее заменить? И в деловом плане, и в романтическом.

– Подружка-буддистка... – Майло поворочал шеей. – Попробую что-нибудь выяснить. А сейчас давай заглянем к Урсуле, посмотрим, как она жила. Заодно познакомимся с отпрыском этого чудесного союза.

* * *

Лобо-Кэньон – это бархатистые луга, раскинувшиеся до холмов, покрытых шапочками тумана, рощи калифорнийского дуба, радующие глаз на сухих местах, и зеленеющие травы там, куда дошла вода. К безупречным во всех отношениях домикам прилагаются равно безупречные загоны, населенные прекрасными резвящимися созданиями. И надо всей этой пасторальной красотой голубеет безоблачное небо цвета дельфтского фарфора.

Созданная тысячелетие назад богом, или природой, или кем-то еще, кому вы предпочитаете отдать должное, эта потрясающая местность десятилетиями развивалась и разделялась. На протяжении большей части периода разумного прогресса ее стремились сохранить. Но безмятежное величие имеет цену: тот, кто оказывается здесь, вдали от города, редко возвращается туда.

Во времена, когда я регулярно навещал своих пациентов, мне доводилось встречать немало скучающих молодых людей, развлекавших себя проказами, а иногда и преступлениями. И вот теперь мне было интересно, чем дочери Кори заплатили за право жить в Эдеме.

Что они будут делать, как держаться, когда все вокруг рушится.

* * *

Дом, в котором жили когда-то Урсула и Ричард Кори, находился за охраняемыми входными воротами в шести милях от автострады. Железные буквы над левым воротным столбом складывались в слова: РАНЧО ЛОБО ИСТЕЙТ. ЧАСТНОЕ ВЛАДЕНИЕ.

Ворота выполняли скорее роль символа, чем барьера, и, вставленные в деревянную раму, занимали пространство более чем достаточное, чтобы впустить крупного взрослого мужчину. Извилистая дорога за воротами быстро исчезала из виду, протиснувшись узкой змейкой расстрескавшегося гранита в тени местных сикомор и эвкалиптов, чужаков из Австралии, удостоившихся амнистии и статуса постоянного жителя.

Охранником оказалась плотная, средних лет женщина в голубой хлопчатобумажной рубашке с перламутровыми кнопками. Мы ждали, сидя в машине рядом с будкой, а она преспокойно читала «Модерн иквестриен»¹⁶. Глядя на Майло, я думал, что ему прекрасно удастся имитировать терпение.

Наконец он громко откашлялся.

Женщина моргнула, но взгляд от страницы не оторвала.

– Вы к кому?

– К Кори. Только не звоните им заранее.

Повернувшись, она увидела перед собой полицейский жетон.

– Какие-то проблемы?

¹⁶ Журнал, посвященный вопросам конного спорта.

- Не с этой стороны ворот.
Женщина ждала. Майло смотрел на нее.
– Ладно, – сказала она наконец и нажала кнопку.

* * *

Деревянный знак в десяти ярдах от ворот предупреждал об ограничении скорости пятью милями в час. Я рискнул прибавить до пятнадцати, и шины «Севиль» заиграли сонату хруста на фоне проплывающих поместий, размеры которых варьировались от значительных до огромных.

Большинство с гордостью предъявляли свои имена: Ла Валенсия, Клаудберст Ранч, Эль Нидо, Стрейтуокер Фармс. Трава вовсю зеленела, пыль единообразного кремового цвета лежала ровным слоем, заборчики либо поблескивали полированной сосной, либо сияли белой краской.

Чудесные животные в загонах демонстрировали вычищенные до атласного блеска бока, а также гривы и хвосты, расчесанные и заплетенные столь тщательно, как будто их сушили феном.

Работали с лошадьми – объезжали, выгуливали, чистили – только женщины, причем все, за исключением одной, в темно-красном костюме для верховой езды, были одеты в облегающие джинсы и приталенные рубашки. Среди седел английские преобладали над ковбойскими. Подтянутые тела украшали драгоценности, поблескивавшие в тех же местах, что и на трупке Урсулы Кори. Я представил ее живой, едущей верхом, ведущей лошадь по кругу или просто наслаждающейся тишиной и покоем.

Ее усадьба значилась под номером девять и подходила скорее под определение «обширная», чем «огромная». На участке площадью в два с половиной акра поместились невысокий, с черепичной крышей дом в стиле испанского Возрождения и три служебные постройки в схожем стиле, включая двухэтажный амбар.

Общий вид на усадьбу складывался из открытой, поднимающейся к дому террасной лужайки, цветочных клумб в обрамлении живой изгороди и чистенького загона. Благодаря относительно высокому местоположению и вышедшему на поверхность пласту гранита, участок был защищен от назойливого любопытства соседей.

Манеж занимали две лошади, обе грациозные, караковой¹⁷ масти, с черными гривами и хвостами, и белыми чулками. Лошади медленно шли по кругу, и каждая несла на себе стройную молодую женщину.

Здесь наконец-то присутствовало нарушение дресс-кода. Обе наездницы были в джинсах и футболках, одна – в красной, другая – в желтой. Распущенные волосы цвета сливочного масла струились по ветру. В сухом воздухе плыл звонкий смех.

Никакой необходимости разрушать эту идиллию не было; въезд на территорию участка находился сбоку, под выкрашенной белой краской аркой со словом «Авантюра». Въехав на асфальтовую площадку, я припарковался на одном из четырех мест, обозначенных белыми линиями.

- Девушки в футболках остановили лошадей.
– Ну вот, – сказал Майло. – Проклятие.

¹⁷ Самый темный оттенок гнедой (коричневой с черными гривой, хвостом и ногами) масти.

* * *

Сестер Кори разделяли два года, но они вполне могли быть близняшками. Высокие, длинноногие, стройные и гибкие, с бронзовыми от загара лицами, девушки обладали одинаково симметричными чертами. Узкие бедра, тонкие, крепкие талии и широкие плечи указывали на регулярные занятия спортом. У девушки в красной футболке волосы были прямые и достигали линии пояса. У той, что в желтой, они разливались роскошными волнами по плечам.

Замерев в одной неподвижной позе, с прямой спиной, сжав твердо губы и не отводя голубых глаз, сестры наблюдали, как мы приблизились к загону.

– Эшли и Марисса? – спросил Майло.

– Я – Марисса, – слегка охрипшим голосом сказала девушка с волнистыми волосами. – Она – Эшли. А вы кто?

– Лейтенант Стёрджис, полиция Лос-Анджелеса. Нам нужно поговорить с вами.

– Копы? Из Лос-Анджелеса? – Голос у Эшли Кори был еще более хриплый. Возможно, когда-то и их мать имела такой вот знойный голос.

– Делом занимается шериф Агуры, – сказала Марисса Кори, – и мы уже объяснили, что не имеем к этому никакого отношения.

– Никакого отношения к чему?

– К машине Лоры. Нам совершенно ничего об этом не известно, и шериф наконец-то поверил, так что Лоре придется идти в суд, и я не знаю, что вы думаете, но...

Эшли взяла сестру за руку и легко сжала.

– Подожди, Рисси, Феллингер сказал, что ты не должна даже разговаривать с ними.

– Рад, что у вас с Лорой все уладилось, но мы здесь не поэтому, – сказал Майло. – А теперь, девушки, пожалуйста, слезайте с лошадей.

– У них по расписанию прогулка, – возразила Марисса.

– И мы не остановимся из-за того, что вы говорите, – добавила Эшли.

– Дело важное, девушки. Серьезно.

Эшли тряхнула волосами, нахмурилась и беззвучно произнесла что-то похожее на ругательство, но все же послушалась. Как только ее ботинки коснулись земли, примеру сестры последовала Марисса. Сестры вышли из загона, и Эшли заперла его за собой. В начищенных до блеска ботинках для верховой езды – у Эшли из змеиной кожи, у Мариссы вроде бы из слоновьей – они были за шесть футов¹⁸ каждая. Рисунок в виде муляжшной лошадиной пасти на обеих футболках сопровождался надписью: «Дареный конь».

Марисса сложила руки на груди.

– Ну что?

– Мне нужно поговорить с вами о вашей матери.

– О маме? – На последнем слоге ее голос взлетел на полтона.

Эшли прищурилась.

– А что такое с мамой?

* * *

Майло изо всех сил старался смягчить удар, но ни приглушить ужас известия, ни избежать участи стать худшим воспоминанием не смог.

¹⁸ Т. е. выше 183 см.

Эшли и Марисса вскрикнули одновременно и тут же принялись кричать «*Нет, нет, нет!*» в рваном ритме, который сгладился мощным потоком горя. Потом Марисса стала бить себя в грудь, а Эшли – заламывать руки и стучать ладонью по лбу. Из глаз, словно кровь из открывшихся ран, хлынули слезы. Девушки повернулись друг к другу, крепко обнялись и замерли, скованные тревожными объятиями.

Все это время Майло жевал губу, постукивал ногой о пол и так усердно утирал ладонью лицо, что на виске за левым глазом появилось розовое пятно.

Нам ничего не оставалось, как только смотреть, ждать и ощущать себя бесполезными свидетелями. Между тем плач и завывания слились в один горестный звук, и прошло еще немало времени, прежде чем пик эмоций остался позади, а крики сменились всхлипами и произвольными содроганиями. Майло уже был наготове с салфетками, которые обе девушки проигнорировали.

– Нет, нет, нет! – повторяла Марисса, снова и снова убирая падающие на мокрое от слез лицо волнистые пряди.

– Зачем кому-то понадобилось убивать ее? – спросила Эшли.

– Этого, Марисса, мы пока еще не знаем, – ответил лейтенант.

– Когда... когда это случилось?

– Сегодня утром.

– Это не папа, – сказала Эшли. – Точно вам говорю, это не папа.

Сестра посмотрела на нее и после секундной паузы кивнула.

– Черт, нет. Конечно, не папа.

– Давайте пройдем в дом и поговорим, – предложил Майло.

Продолжая реветь, девушки поплелись к дому. Мы с лейтенантом последовали за ними, отстав на четыре шага.

Скорбящие всегда идут первыми.

* * *

Подойдя к дому, Эшли толкнула половинку двойной дубовой двери, и та беззвучно открылась. Похоже, сестры Кори росли, принимая безопасность как нечто само собой разумеющееся. Что ж, отныне они уже никогда не будут чувствовать себя полностью защищенными.

Шмыгая носами, спотыкаясь и неуклюже цепляясь друг за дружку, девушки прошли в дом, и мы с Майло, как привязанные, потянулись за ними мимо ротонды из плитнякового камня с люстрой из кованого железа. Люстру украшали красивые кованые птицы, а из декоративных кованых свечей выглядывали светодиодные лампочки. В нише справа нашла приют выполненная в грубовато-примитивном стиле статуя Девы Марии, подобных которой можно немало встретить в Тихуане. Следуя за сестрами, мы оказались в просторной комнате с высоким потолком, большими окнами и гранитными стенами. Дорогая мебель располагалась с кажущейся небрежностью и ненавязчивой продуманностью в выбранных со вкусом местах: обитые оленьей кожей диваны и диванчики на двоих, железные и стеклянные столики, стулья с соломенными спинками, выкрашенные в цвет сушеного шалфея, декоративные подушечки килим.

Сестры Кори бессильно опустили на самую большую софу.

Марисса схватила подушку, прижала к груди и уткнулась в нее лицом, всхлиывая, вздрагивая и издавая негромкие печальные звуки. Младшая сестра села рядом со старшей и застыла – с прямой спиной и пустыми глазами, положив руки на колени.

С того момента, когда девушки узнали печальную новость, они претерпели странную и даже противоречивую трансформацию: беспомощные, они больше походили не на подростков

даже, а на детей, и, с другой стороны, тяжелейшая утрата отложилась вокруг глаз тенью как будто прожитых десятилетий.

– Девочки, нам тоже очень, очень жаль, – сказал Майло.

Эшли просунула руку под плечи сестры. Марисса опустила голову на грудь Эшли. Будучи на два года старше, она казалась более неуверенной и зависимой. Может быть, поэтому одна предпочла перебраться в общежитие, а вторая осталась дома?

– О боже, папа! – воскликнула Эшли, словно позабыв, что вспоминала его несколько минут назад. – Он знает?

– Да, мы поставили его в известность.

Девушки переглянулись.

– Он нам не звонил, – сказала Эшли.

– Для него это был сильный удар, – объяснил Майло. – Мы предложили поговорить сначала с вами, а потом, когда закончим, он приедет сюда сам.

– Папе нужно быть здесь, – не согласилась Марисса.

– Он и будет, – сказала Эшли и со вздохом добавила: – Бедный папа. В первый раз после развода...

– Он приедет сюда в первый раз? – спросил лейтенант.

– Угу.

– Мама наверняка не возражала бы, они ладили, – сказала Марисса. – Но папа отказывался, говорил, что ему надо поскорее налаживать свою жизнь.

– В своем доме, – вставил Майло.

– Угу.

– А вы, девочки, часто там бываете?

– Не очень, – призналась Эшли. – Иногда.

– Меня тошнит. – Марисса с усилием встала и выбежала из комнаты.

Эшли повернулась к Майло.

– И что теперь?

– Наша единственная цель – найти того, кто это сделал. А для этого придется задавать вопросы, которые не всегда будут казаться тебе уместными. Так что если мы спросим...

– Какие, например?

– Для начала – вот какой. Несколько минут назад ты сказала, что это не папа. Мне бы хотелось знать, почему ты так сказала.

– Я сказала так, потому что это сделал не он, хотя вы могли подумать, что он.

– Почему мы могли так подумать?

– Потому что копы всегда так думают, разве нет? Считают, что убил муж. Я смотрю фильмы и все время это вижу.

– Ты смотришь слишком много...

– Папа тоже их смотрит, и я, когда есть время.

– Значит, ты хотела, чтобы мы не подумали...

– Признайтесь, он ведь уже главный подозреваемый, – добавила Эшли громче. – Так вот, забудьте, ясно? Они развелись, но остались друзьями и работали вместе безо всяких там проблем.

– Хорошо. – Майло кивнул.

Эшли направила на него указательный палец с красным ногтем.

– И даже если б я думала, что он мог сделать такое – а я так не думаю, – я знаю, что его не было там тогда, когда вы сказали, потому что он был дома.

Еще раньше она спросила, когда убили мать. Значит, не так уж уверена в невинности отца, как ей хочется верить?

– Ты знаешь, что он был дома, потому что...

– Я звонила сегодня утром, и папа был у себя, а потом ему нужно было принять входящий международный, и он сказал мне воспользоваться электронной почтой. Я так и сделала, и он сразу же ответил. Дважды.

Мы и сами видели письма, так что в этом отношении она говорила правду. Но все было не важно, если Ричард Кори воспользовался услугами наемного убийцы.

– Спасибо, Эшли, что прояснила этот вопрос, – поблагодарил девушку Майло. – И позволю подчеркнуть, на данный момент у нас нет подозреваемых. И твоего отца мы таковым не считаем.

– Меня стошнило, – сообщила Марисса Кори, появляясь из-за угла и вытирая губы салфеткой. Другой рукой она держалась за живот. – Все прочистило.

– Ты в порядке? – спросила Эшли.

Марисса высунула язык и состроила гримасу.

– Во рту так гадко... Да.

– Я только что сказала им, что папа и мама хорошо ладили после развода.

– Угу. – Марисса закрыла глаза и откинула голову на спинку софы.

– Понимаю, момент не самый лучший, но у кого-то из вас есть подозрения? Кто мог желать зла вашей матери?

– Никто, – тут же ответила Эшли. – Вероятно, ее хотели ограбить.

– Она носила кучу всяких побрякушек, – сказала Марисса. – Я сама видела утром, когда завтракала.

– Да, наряжалась, как рождественская елка. Так любила эти свои финтифлюшки... Из-за них и поехала сегодня. Хотела разделить между нами по справедливости. Сама так сказала. Выглядело как-то странно, но если уж мама что-то задумает...

– «Пятьдесят на пятьдесят, девочки». – Марисса переключилась на британский акцент.

– Справедливость у нее всегда на первом месте.

– Ограбление – хороший мотив, – согласился Майло. – Но все драгоценности вашей матери остались на ней. Как и наличные деньги, и кредитные карты.

Обе девушки в изумлении уставились на лейтенанта.

– Так что? Какой-то подонок попытался ограбить ее, но запаниковал и... – Эшли покачала головой и снова расплакалась.

– Кажется, меня опять вырвет, – скривилась Марисса, но осталась на месте.

– Хорошая догадка. Мы обязательно проверим вашу версию, – пообещал Майло. – Еще предположения есть?

– Откуда ж нам знать? – пожала плечами Эшли.

– Вы были близки к ней.

– Ну и что? Если это из-за драгоценностей...

– Верно, но давайте подумаем над альтернативами. Ваша мама встречалась с кем-нибудь? Сестры переглянулись.

– Нет.

– Ни с кем?

– Из-за бизнеса у нее совсем не оставалось времени, – сказала Эшли. – К тому же ей приходилось много ездить.

– Значит, постоянного бойфренда у нее не было.

– Угу.

– Она никогда не говорила, что ее кто-то преследует?

– Кто-то вроде навязчивого поклонника? – уточнила Эшли. – Нет, никогда.

– А как насчет проблем из-за бизнеса?

В первый момент сестры никак не отреагировали, но потом Марисса украдкой взглянула на сестру. Однако сообщение, если таковое и было послано, до адресата не дошло. Сначала Эшли как будто замерла, потом вдруг поникла и потеряла глаза.

– Вы подумали о чем-то, Марисса? – спросил я.

– Нет. – Она покачала головой и, повернувшись к сестре, негромко добавила: – Не Филлис же, правда?

Эшли сделала большие глаза.

– Филлис? Да ты что? Быть не может.

Следующий шаг был ясен – выяснить, кто такая Филлис.

– Расскажите нам о проблемах с Лорой, – сказал Майло.

– Тупая сучка эта Лора, – сказала Марисса. – Мы все собираемся в город – в «Хаус оф Блюз», на «Вальс бензопилы». Лора – мол, я поведу. Водила из нее никакущий, но мы ж не знали, а тут она отцовскую тачку взяла и захотела похвастать.

– И что, красивая тачка? – спросил я.

– «Бентли Спид»? А вы как думаете?

– На своей «Ауди» Лора неделю назад в столб въехала, так что машина в ремонте, а тут отец наконец-то позволил попользоваться «Бентли». Ну и она, типа, давайте, да они перед нами ковриком лягут, оторвемся как большие, а может, еще и в приватные номера попадем... В общем, мы согласились. Но потом, вместо того, чтобы выехать на сто первую, она сворачивает в какой-то переулок, потому что хочет покрасоваться без дорожного патруля на хвосте. Жмет под девяносто, мы орем ей: «Стой, идиотка, не дури!» И тут откуда ни возьмись мигалка, шериф, и нас всех заставляют пройти тест Дьюи.

– Тест Дьюи? – спросил Майло.

– Дьюи. Д-Ь-Ю-И, – по буквам повторила Марисса. – Ну, пройти по прямой, дотронуться пальцем до кончика носа...

– Мы-то тест прошли, – подхватила Эшли, – а Лора – нет, успела хлебнуть где-то пива. Шериф говорит, я, мол, загляну в машину, а Лора – ну ладно, глядите, и даже про ордер не спрашивает. Он смотрит – и находит в бардачке пакетик травки, а эта дура говорит, что, мол, это не ее, а папы. А такое вполне возможно, потому что ее папа – он типа музыкальный продюсер, патлатый. Потом еще одна шерифская машина подкатывает, и нас везут в участок, мы звоним маме, да только она не отвечает. Зато Лорин папа отвечает, а потом приезжает и узнаёт, что дочка его сдала. Ему это сильно не нравится, и он говорит копам, мол, ладно, преподайте моей доченьке урок.

– Обычно-то он такой мягкий и добрый, – вставила Марисса, – такой дружелюбный, а тут... как чужой.

– По-моему, девочки, вам беспокоиться не о чем, – сказал я.

– Мы так и подумали. – Эшли закивала. – Но они нас задержали, и еще судом пригрозили. Потом мы все-таки дозвонились до мамы, а она связалась с Феллингером, и он приехал, вытащил нас и устроил так, что ни в какой суд идти не придется. А вот Лоре придется. Правда, ее папа наконец разжалобился и нанял адвоката, который теперь тянет время. Мы поэтому и подумали, что вы по ее делу и типа хотите убедить нас настучать на Лору... – Она перевела дух и опустила голову. – Уж лучше бы так.

Сестры опять вцепились друг в дружку.

Майло достал телефон и набрал номер.

– Мистер Кори? Это лейтенант Стёрджис. Вы нужны дочерям. Хорошо, передам.

Эшли открыла глаза. Марисса сделала то же самое секундой позже.

– Ваш отец уже едет.

– О'кей, – безжизненным голосом отозвалась Эшли.

– Значит, ты живешь в общежитии, а ты, Марисса, здесь? – спросил я.

- Э... вообще-то нет.
- Мы снимаем квартиру, – смущенно призналась Эшли и покраснела.
- Ты же учишься?
- После секундного колебания она покачала головой.
- Бросила. Пустая трата времени. Хочу заняться бизнесом. Как родители.
- Импорт-экспорт?
- Нет, сама по себе. Может быть, что-нибудь по части моды. – Она потянула блондинистый локон длиной в фут. – Смотрю, прикидываю.
- Я тоже, – сказала Марисса.
- Так вы сегодня здесь, потому что...
- Мы к Сидни и Джасперу приехали. Бываем здесь раза три-четыре в неделю, чистим их, кормим, прогуливаем. Чтобы мышцы не одрябли совсем... чтобы не заболели.
- А в другие дни?
- В другие это делает мама... Боже!
- И что теперь будет с Сидни и Джаспером? – растерялась Марисса.
- Я прошел в напоминающую пещеру кухню, отыскал ледяную воду в одном из двух холодильников, налил девочкам по стакану. Они начали пить – и снова захлюпали.
- Спасибо, что уделили нам время, – сказал Майло.
- Девушки сонно кивнули.
- Можем остаться, подождать, пока ваш папа приедет.
- Общее «угу».
- Уверены?
- Вообще-то мы хотим побыть одни, – сказала Эшли.
- Марисса кивнула.
- Понимаю, – сказал Майло, и мы поднялись. – Берегите себя, девочки... да, кстати, кто такая Филлис?
- Филлис Тран, – вздохнула Эшли. – Мамина подруга. А потом папа с ней встречался.
- После развода.
- Конечно, после, – сказала Марисса. – Папа не какой-нибудь изменник.
- Они и встречались недолго, – добавила Эшли. – Может, им как-то неловко было...
- Филлис Тран, – повторил Майло. – Вьетнамское имя.
- Да, она – вьетнамка. Мама знает ее по бизнесу.
- Они даже вместе ходили маникюр делать, когда мама приезжала в Беверли-Хиллз.
- В Беверли-Хиллз все маникюрные салоны вьетнамские, – пояснила Эшли.
- Везде, – добавила Марисса.
- Филлис приходит, разговаривает с ними на вьетнамском, и их с мамой обслуживают по высшему разряду.
- А это изменилось, когда Филлис начала встречаться с вашим папой? – поинтересовался Майло.
- Я не знаю. – Эшли пожала плечами. – Никто ничего не говорил.
- И я тоже не знаю, – сказала Марисса. – Вообще, чем люди занимаются, это их личное дело.

Глава 6

Одна из лошадей, когда мы вышли из дома, заржала, другая просто уставилась на нас.

– Корону за говорящего коня¹⁹ – только не Мистера Эда²⁰. Он был дилетантом, – сказал Майло.

Мы вернулись к «Севиль», и лейтенант достал телефон.

Филлис Тран, как оказалось, занимала должность главного финансового директора в компании «Даймонд Продактс энд Сандрис». Главным исполнительным директором значился Альберт Л. Тран. Центральный офис компании находился на Санти-стрит, к востоку от центра города. Основными направлениями деятельности были продажа товаров сетевым и оптовым магазинам, а также оказание посреднических услуг импортерам и оптовикам. Веб-сайт работал на английском, испанском, китайском, тайском и вьетнамском.

Мило даже присвистнул.

– У них тут всё, от аквариумов до якорей. Включая предметы религиозного культа для католиков, протестантов и буддистов. Как ты и сказал, женщина с таким опытом вполне могла заменить Урсулу. – Он ослабил галстук. – Закрутить с мужем подруги – эта история стара, как мир... О'кей, давай посмотрим, где живет эта предприимчивая леди. И, пока мы не выскочили на автостраду, постарайся отыскать местечко, где можно выпить кофе, а то у меня голова раскалывается.

* * *

С территории «Ранчо Лобос Истейтс» я выехал так же, как въехал. Ворота никто не охранял, но для их активации требовалось легкое нажатие.

Пока я выбирался из Лобо-Кэньон, Майло продолжал искать информацию на Филлис Тран.

– Ну вот, Норт-Мейпл-драйв в Беверли-Хиллз. Живет с Альбертом Траном. – Он повернулся ко мне. – Замужем, и это открывает нам целую новую главу. Ни она, ни он преступлений не совершали. Жаль. Дальше заглянем в департамент транспортных средств – черт, не посмотрел машину Ричарда.

Данные выскочили быстро: Кори ездил на двухлетнем черном «Рейнджровере», Филлис Тран – на трехлетнем сером «Мазерати», Альберт Тран – на семилетнем городском «Линкольне Таункар».

Связавшись с Мо Ридом, Майло попросил его при просмотре записи с камеры наблюдения на подземной стоянке обратить внимание на три эти автомобиля.

– Приятное разнообразие, – ответил Рид. – Последний час только немецкие и попадают. Можно подумать, весь мир ездит на «БМВ», «Мерседесах» и «Ауди».

– Пока ничего подозрительного?

– Пока ничего. Пара фургонов коммерческой доставки проехали раньше. Парни-водители у нас в базе данных, но на киллеров они не тянут.

– А на что тянут?

– Один был замешан в деле с подлогом шесть лет назад, другого обвиняли по части наркотиков.

– Проверь обоих, Мозес. Вдруг выскочит что-нибудь интересное.

¹⁹ Измененная реплика из хроники У. Шекспира «Ричард III» (пер. М. Донского), которая более известна в переводе Я. Брянского «Полцарства за коня!».

²⁰ Участник одноименного американского телешоу первой половины 1960-х, конь, озвучивавшийся актером.

- Миз Мазерати или мистер Рейнджровер, – сказал Рид.
- А малыш у нас с фантазией...

* * *

На Канан-роуд, к югу от 101-й, я заметил стрип-молл с привлекательной вывеской над витриной: «*Тирольская гастрономия: выпечка и кофе для гурманов*». Внутри витали соблазнительные ароматы, взгляд отдыхал на чистом полу, а длинный прилавок был полон вкусностей.

И только два столика для любителей мороженого. Кроме стоящей за кассой женщины лет шестидесяти, в заведении никого не было.

Заметив нас, она мгновенно улыбнулась.

– Чем моку, коспода?

Майло, изучив стеклянную витрину, выбрал в качестве средства для лечения головы кусок малинового торта размером с небольшую горную вершину и примерно такой же величины порцию морковного пирога.

– А фы, мистер? – осведомилась женщина.

Пирог выглядел заманчиво, и я заказал такой же и себе. С кофе и калориями мы и сели за стол. Посмотрев на мою тарелку, Майло ухмыльнулся.

– Что?

– Наш Кипарис²¹ и в самом деле может что-то проглотить? Наконец-то я оказываю вредное влияние?

– Ты – всегда вредное влияние. Я просто проголодался.

Расправившись с двумя своими кусками, Майло отошел к прилавку, сказал нечто, отчего женщина хихикнула, и вернулся с чем-то кремовым. Размер этого чего-то уменьшился на треть уже после первого укуса. Лейтенант вытер рот.

– Настоящий крем, а не аэрозольная дрянь из баллончика. Попробуешь?

На тот момент я одолел всего лишь половину пирога, оказавшегося плотнее, чем казалось.

– Мне хватит.

– Вздор! – Он отпил кофе, откусил от кремовой штуки, довольно выдохнул и еще пару раз повторил эту последовательность.

Наконец, устав, Майло взял паузу.

– Ричард представил Урсулу как какую-то нимфоманку, но девочки не знают ни о ком, с кем бы она встречалась. Похоже, о ней и Феллингере они даже не подозревают. Так было ли что-то?

– Девочки не жили с Урсулой, и большинство родителей не обсуждают с детьми свою сексуальную жизнь, – напомнил я.

– Не только с детьми, но и с супругами, нынешними или бывшими. Вот я и спрашиваю себя, кто такой Ричард – параноик, «заказавший» бывшую жену, или всего лишь изобретательный выдумщик, пытающийся отвести наше внимание от себя самого. Так или иначе он останется на верхней строчке. Но теперь Ричард Кори не одинок. Компанию ему составляет Филлис Тран – должно быть, та самая подруга, о которой он рассказывал.

– Тут я с тобой поспорил бы. Мне показалась интересной реплика Эшли насчет того, что это не папа.

– Слишком горячо протестовала?

²¹ Кипарис – персонаж древнегреческих мифов; прекрасный юноша, отличавшийся безупречной стройностью.

– Она выпалила это сразу после того, как услышала новость. Иногда такие высказывания – самые правдивые. Потом еще реакция Мариссы на твой вопрос по поводу разногласий в бизнесе... «Не Филлис же, правда?»

– Ричард и его Новый Любовный Интерес. Девочек эти отношения беспокоят, но сделать они ничего не могут, поэтому говорят противоположное. У вас ведь и название для этого есть, да?

– Реактивное образование.

– По-моему, это что-то вроде политкорректности. Ты же знаешь, как это бывает. Какая-нибудь говорящая голова разглагольствует о расизме, сексизме, гомофобии – и я начинаю искать под кроватью куклуксклановский халат. Так или иначе, миз Тран заслуживает того, чтобы взглянуть на нее, а Беверли-Хиллз не так уж и далеко от маршрута. У тебя есть время заскочить на Мейпл-драйв?

– Конечно.

Стёрджис принес себе еще кофе, снял пиджак и обмахнулся ладонью.

– Так что насчет дочерей?

– А что такое?

– От них идут какие-то вибрации?

– Я не улавливаю. Помнишь братьев Менендес?

– На данном этапе нужно принимать во внимание все. Лайл и Эрик были избалованными бездельниками, которые хотели малость разжиться деньгами. Почему же две испорченные богатенькие девушки не могут стать в очередь за большими баксами? Они точно знали, где сегодня утром будет их мать.

– Братья Менендес сами застрелили родителей и оставили горы улики. Не думаю, что эти девочки достаточно умны, чтобы найти надежного киллера.

– Ничуть не сомневаюсь, что ты прав. – Майло помолчал. – Помнишь Кэтрин Хеннепин? Не думаешь, что все мои предположения начинают сбываться? Самоуважение растет на глазах.

– Почему бы не позвонить Феллингеру? Может, он и скажет, куда пойдут денежки Урсулы.

Майло набрал номер адвокатского офиса и, заметив, что женщина за прилавком придвинулась ближе, вышел из булочной, прихватив телефон. Потом, поговорив, он сделал мне знак – выходи. Я заплатил за кофе и прочее, и мы направились к машине.

– Сколько? – спросил лейтенант, опуская руку в карман.

– Я угощаю.

– Не пойдет.

– Феллингер рассказал о завещании Урсулы?

– Неофициально. Поместье делится на четыре части. Тридцать пять процентов идет Ричарду – на этом после трехлетних препирательств сошлись в конце концов Феллингер и Коэн. Еще двадцать пять идут на благотворительность по списку, представленному Урсулой, и оставшиеся сорок пять делятся между Эшли и Мариссой. Но эта последняя часть поступает в трастовый фонд, так что реальные деньги девочки получают через несколько лет.

– Кто попечитель?

– Не Ричард. Какой-то адвокат из фирмы Феллингера.

– Феллингер взял самоотвод?

– Тот, другой, – специалист по трастам и наследству. Феллингер якобы хотел, чтобы все было сделано правильно.

– И о какой отсрочке удовлетворения может идти речь?

– Деньги на основные потребности девочки начнут получать незамедлительно, но доступ к большим баксам получают не раньше, чем им исполнится тридцать. Потом, когда им будет по тридцать пять, траст ликвидируется, и они получают все.

- Сестры в курсе деталей?
- Феллингер полагает, что нет. И Ричард, и Урсула охарактеризовали дочерей как совершенно не интересующихся миром финансов.
- Значит, самый большой кусок получает Ричард.
- Повезло ему... Посмотрим, что скажет на это его бывшая подруга. А может быть, и ее муж.

* * *

День, начавшийся с той минуты, как я увидел тело Урсулы Кори на парковочной площадке, получился долгим, и когда мы въехали в Беверли-Хиллз, на город уже сошла тьма.

Домик на Норт-Мейпл-драйв, где проживали Траны, представлял собой двухэтажное строение с оранжево-розовой, в средиземноморском стиле, штукатуркой, подстриженной лужайкой и скромными клумбами с пальмами и бегонией. Соседние особняки разнились по степени винтажности. В сравнении с ними домик Транов выглядел дешевым.

После звонка в дверь на пороге предстал пожилой азиат невысокого, около пяти футов, роста. Был он в безукоризненно белой рубашке, кремовых льняных брюках и синих бархатных тапочках с вышитыми львами. В тонкой руке он держал последний номер «Форбс».

- Да? – Мягкий голос прозвучал почти по-детски.
- Лейтенант Стёрджис, полиция Лос-Анджелеса.
- Его веки едва заметно дрогнули.
- Что-то случилось в магазине?
- Нет, сэр. Мы ищем Филлис Тран.
- Это моя дочь, но ее сейчас нет в городе. Могу я узнать, что происходит?
- Нам можно войти, мистер?..
- Альберт Тран. Покажите, пожалуйста, ваш жетон... да, конечно, входите.

* * *

Гостиная площадью тридцать на двадцать была обставлена полностью в американском колониальном стиле, причем многие вещи и в самом деле сохранились с того времени. Альберт Тран позвонил в оловянный колокольчик с золотой ручкой, и на зов отозвалась служанка в синей форме.

- Мой кофе, пожалуйста, Ирма. Вам, джентльмены?..
- Ничего, спасибо, – сказал Майло.
- Принеси сладости, Ирма. – На английском Альберт Тран говорил почти без акцента.

Судя по четкой дикции, чтобы достичь этого, ему потребовалось немало потрудиться.

Служанка вышла, и Альберт Тран указал на обтянутую шелковой парчой софу цвета спелой вишни, а когда мы уселись, и сам опустился в обитое желтым шелком чиппендейловское кресло. Центральное место в комнате занимал единственный предмет, нарушавший колониальный мотив: литография над каминной полкой, «Флаг» Джаспера Джонса.

Остальная часть настенной живописи была представлена пейзажами, изображавшими былые красоты Гудзона, и портретами напряженных, одетых в пуританские одежды людей с суровыми лицами. Помощник окружного прокурора, Джон Нгуен, как-то сказал мне, что его семья и сообщество любят Америку сильнее и крепче, чем «Дочери американской революции»²².

²² Женская патриотическая организация.

Известие о смерти Урсулы Кори произвело на Альберта Трана сильное впечатление. Его свободная рука задрожала, затрепетала, как сухой лист, и опустилась на грудь. Хрупкие с виду пальцы сжали журнал.

– Ужасно... Что случилось?

– Вы хорошо знали миз Кори?

– Да, очень, мы вместе занимались бизнесом. Вы можете сказать, что случилось?

– Ее застрелили, сэр.

– Что вы говорите!.. И где же?

– В Сенчури-Сити.

– В Сенчури-Сити? В торговом центре?

– На автостоянке.

– На автостоянке, – повторил Тран. – Ограбление? Угон?

– Похоже, ни то ни другое.

– Да, конечно. – Альберт Тран кивнул. – Будь это ограбление, вы сюда не приехали бы... – Он нахмурился. – Позвольте спросить, какое отношение это имеет к Филлис?

– Мистер Кори рассказал, что Урсула дружила с Филлис.

– Ричард рассказал... Конечно.

– Вас это удивляет.

– А Ричард рассказал вам, что у него были отношения с Филлис?

– Вы имеете в виду романтические отношения? – Майло изящно ускользнул от ответа.

– Я бы не заходил так далеко. Ричард и Филлис встречались короткое время. Ничего предосудительного, уже после того, как он и Урсула развелись. Тем не менее я не мог это одобрить – нельзя смешивать личные отношения с деловыми. Но Филлис – девочка с сильной волей... Прошу извинить, я на секунду.

Вернувшись через пять секунд, Альберт Тран протянул лейтенанту фотографию в рамке. «Девочка» оказалась красивой женщиной за сорок с зачесанными вверх волосами, широко расставленными живыми глазами и остреньким, с ямочкой, подбородком.

– Мой единственный ребенок. – Тран нахмурился. – Она замужем, но лишь формально. Ее муж вот уже семнадцать лет живет в Камбодже, где у него по меньшей мере две жены, а возможно, и больше.

– Похоже, хорошо устроился.

– Норберт Лам – слизняк, ничтожество.

– Филлис только однажды была замужем?

– Да. Большая свадьба. – Выражение лица Альберта Трана позволяло предположить, что повторение подобного события нежелательно. – Урсулу убили... Поверить невозможно. Так вы хотели бы узнать о ней побольше через Филлис?

– Почему Филлис и Ричард перестали встречаться?

– Так. – Тран вздохнул. – Наверное, я еще пожалею, что вообще упомянул об этом.

– Мы будем признательны за любую информацию.

– Почему они перестали встречаться? Хм... Судя по тому немногому, что рассказала Филлис, у Ричарда остались чувства к Урсуле, и моя девочка... ей это было неприятно... она дала ему отставку. Я правильно выразился?

– Да, сэр, – улыбнулся Майло.

– В Сайгоне я преподавал английскую и американскую историю, проходил постдипломную практику в Университете Иллинойса в Урбане. Важно, конечно же, знать идиомы, но за всем не угонишься.

– Не могли бы вы рассказать о ваших деловых отношениях с Урсулой? – попросил я.

– С Урсулой и Ричардом. Даже после развода они продолжали работать вместе. Вы знакомы с их компанией?

– «Уррич Лтд.».

– Мы – одни из их заказчиков.

– Что вы покупаете?

– Так просто и не ответишь. Мы продаем товары с очень большой скидкой, в основном предметы домашнего обихода и недорогие вещи из Азии. Товарные запасы постоянно меняются в зависимости от предполагаемого потребительского спроса.

Служанка Ирма принесла серебряный поднос с кофейником, чашечками из тонкостенного фарфора и тарелкой с вафельным печеньем. Налив сначала Трану, она дала нам возможность передумать.

– Нет, спасибо, – сказал я.

– Полчашечки, – сказал Майло.

Трудно представить, что в его желудке оставалось свободное место, но, может быть, взяв еще два печенья, он всего лишь демонстрировал хорошие манеры, а я, отказавшись, показал себя неотесанной деревенщиной. Так или иначе, энергично расправившись с двумя, он потянулся к блюду за третьим печеньем.

Подождав, пока Тран поставит чашечку, я сказал:

– Тот тип закупок, о котором вы упомянули, представляется весьма рискованным.

– Рискованным, но и стимулирующим. Всегда приходится многое просчитывать заранее. А неудачи у нас бывали. – Он улыбнулся. – Вас, случайно, не интересуют десять тысяч пятьсот тридцать шесть красных крокодильчиков, разлагающихся при соприкосновении с водой и оставляющих после себя запах тушеного мяса недельной давности?

– Хм, я, пожалуй, посоветуюсь с людьми.

Лицо вьетнамца на секунду растянулось в улыбке.

– Главное здесь – чтобы число выигрышных ставок превысило число проигрышных. По большей части нам это удавалось. И, должен сказать, Урсула и Ричард помогли.

– Каким образом, сэр?

– У Урсулы отличный нюх на товар. В прежние годы они с Филлис вместе отправлялись делать закупки. Рынки в большинстве азиатских столиц огромны – это тысячи палаток, растянувшихся на мили. Филлис рассказывала, что по части энергичности с Урсулой трудно сравниться и что она замечала вещи, мимо которых сама Филлис проходила равнодушно. Так что в некотором смысле Урсула стала для нас не только оптовиком, но и бесплатным агентом по закупкам.

– А сами вы не покупаете, потому что...

– Мы торгуем в розницу и в основном тем, что знаем.

– А Ричард? Чем он помог вам?

Короткая пауза.

– Ричард – человек честный и надежный, обещанное доставляет вовремя и в хорошем состоянии. Такого отношения, с которым приходится встречаться со стороны других оптовиков – мол, вы же не «Кей-март»²³, – мы от него не видели. – Тран подался вперед. – Но если не ограбление, тогда что?

– Мы не знаем, сэр, – ответил Майло. – Можете сказать о них что-то еще?

– Урсула была красивая женщина. Обаятельная, утонченная, привлекательная.

– А Ричард?

– Вы спрашиваете меня о нем, потому что...

– Потому что в начале каждого расследования мы всегда задаем много вопросов и надеемся, что они принесут свои плоды. Что-то вроде вашего бизнеса, сэр, когда вы вкладываетесь в покупку.

²³ Американская сеть гипермаркетов.

– Звучит убедительно, лейтенант. Что я могу сказать о Ричарде... Да, честный. Да, надежный. Но не... увлеченный.

– Скорее одиночка?

– Как бы это сказать... – Альберт Тран задумался. – Ладно. Он может завести с вами разговор, но при этом у вас будет чувство, что ему самому этот разговор неинтересен. Я так полагаю, ему просто не досталось хорошей дозы общительности.

– У Урсулы это было.

– Урсула... – Он вздохнул. – Урсуле тепло даровано самой природой. Во Вьетнаме это пошло ей на пользу, ведь мы – народ приветливый и дружелюбный. – На последнем слове голос у него дрогнул. – Филлис расстроится... о нет, дочери. У Урсулы две дочери; они знают?

– Да, сэр.

– И как?

– Как и можно было ожидать в такой ситуации. Вы знаете их лично?

– Встречался однажды. Еще до развода, на семейном барбекю. Милые дети. Тогда они увлекались лошадьми.

– Вашей дочери давно нет в стране? – спросил Майло.

– Шесть недель.

– Когда она должна вернуться?

– Точно не знаю. Если хотите, могу попытаться дозвониться до нее сейчас...

– Это было бы замечательно, сэр.

Тран подтянул манжет, под которым обнаружился золотой «Ролекс», посмотрел на циферблат.

– Полагаю, сегодня она еще в Бангкоке и, учитывая разницу во времени, возможно, уже встала.

Он снова позвонил в звонок, и Ирма, получив указание, быстренько доставила беспроводной телефон.

– Фил? Это папа. Боюсь, у меня для тебя ужасная новость... нет, нет, я в порядке. Очень жаль, но Урсулу убили.

Мы с Майло сидели, а Тран слушал, изредка вставляя короткие слова утешения. Затем, после долгого молчания, сказал:

– Хорошо, дорогая. Пожалуйста, соберись, а я передам трубку детективу.

Лейтенант взял телефон. Разговор получился практически односторонний: он в основном слушал, с другой стороны в основном говорили. Закончив, возвратил трубку Трану, который сказал:

– Мне очень жаль, дорогая... да, так и сделай, тебе нужно отдохнуть. Пока. – Он повернулся к нам. – Говорит, что хочет поспать, но, я уверен, она скоро позвонит.

* * *

Забирать машину Майло со стоянки в Сенчури-Сити было уже поздно, поэтому я отправился в участок.

– Отвечаю на твой пока еще не заданный вопрос насчет Филлис. По большей части плакала. Я как будто разговаривал с гейзером.

– Перебор?

Майло пожал плечами.

– Вроде бы вполне естественно, фальши не услышал, но без невербальных сигналов сказать трудно. Призналась, что встречалась недолго с Ричардом и что бывшая повела себя в этой ситуации «невероятно великодушно», – но Филлис рассталась с ним, поскольку ее дружба с

Урсулой была важнее «любого мужика». Так что, если только я не попал в мастерскую актерского искусства, историей в духе романтического соперничества здесь не пахнет.

– Может быть, со стороны Филлис все так и закончилось, – сказал я. – Но что, если Ричард винил в разрыве бывшую супругу? Урсула не только сама его бросила, но и подругу заставила сделать то же самое.

Лейтенант задумался.

– Стоящее соображение... Значит, возвращаемся к нашему Мистеру Унылому. Он тебе действительно нравится, а?

– Никого лучше у тебя нет.

– Я не об этом спросил.

– Да, серьезно, мне он очень даже нравится. Одного финансового мотива вполне достаточно. Что запланировано на завтра?

– Душераздирающая драма, амиго, поскольку я намерен воспользоваться разрешением Ричарда и пройти по его телефонным звонкам и финансовым операциям. А еще мне нужен ордер на осмотр дома жертвы – хочу порыться в ее ежедневниках, переписке и сетевой жизни. Спасибо за компанию и потраченное время. Посмотрю, может быть, получится подать запрос на компенсацию, чтобы тебе что-то заплатили.

Довольно бесцеремонная попытка отодвинуть меня от дела, потому что, когда убивают женщину, муж всегда становится главным подозреваемым. И обычно на то есть веские причины.

Так что ж, убедить себя, что и данный случай не является исключением?

С этим у меня проблем не было.

Глава 7

Майло позвонил через десять дней.

– Есть отчет о результатах проделанной работы. А если результатов нет? Отчет о чем?

– Не повезло тебе с Урсулой.

– Ни записи с камер наблюдения на автостоянке, ни финансовые документы Ричарда ничего не дали. Привлек следователя из офиса окружного прокурора, специалиста по судебно-бухгалтерской экспертизе. Никаких подозрительных платежей. Побывал дома у Урсулы, наткнулся на пару вибраторов в ящике для белья и ежедневник. Наша разведенка пользовалась популярностью – в активе после развода двадцать три парня, имена и номера телефонов. Некоторых нашла в онлайн-службе знакомств. С большинством встречалась в дорожных коктейль-барах и ресторанах.

– Тактика та же, что и у тебя.

– Ну да, «просто добавь martini». Я разговаривал с каждым, и все согласились с мнением Ричарда – девушка с аппетитами. Но и классная – это слово прозвучало несколько раз. Единственный минус – всех отшивала после трех свиданий, но делала это дипломатично. Ничего личного, долгие отъезды. В общем, Алекс, никто о ней и слова дурного не сказал.

– Как бы великодушно с тобой ни обошлись, уязвленная мужская гордость – сильный мотив.

– Да, черт возьми, из-за этого даже войны начинались... Жаль только, что всех этих ребят пришлось вычеркнуть – у каждого железное алиби.

– Двадцать три железных алиби?

– Да, как ни странно. А дело в том, что большинство нездешние и во время убийства находились в другом городе.

– Выбирала путешественников...

– По той картине, что у меня вырисовывается, Урсула сама позволяла себя выбирать, – уточнил Майло. – Из шести местных, с которыми она познакомилась онлайн, трое тоже постоянно в разъездах. Трое последних работают дома – киносценарист, финансовый советник-фрилансер и скульптор, – но их алиби также подтверждается свидетелями.

– У нее есть список встреч во время поездок в Азию?

– Нет.

– Может, где-то там отшила не того парня...

– И тот полетел за океан, чтобы выразить свое неудовольствие? Хорошая была шутка, приятель, но в ее азиатском еженедельнике только деловые встречи. От рассвета до заката переговоры, посещение рынков, встречи с судовыми агентами, производителями, даже крестьянами, чтобы договориться о таких вещах, как бамбук. Тут уж действительно не до вечеринок, и с этим согласна Филлис Тран, которая разговаривала со мной вчера из своего отеля в Гонконге. По ее словам, Урсула в поездках занималась исключительно бизнесом.

– Двадцать три мужчины, – повторил я. – А Марисса и Эшли утверждают, что ни о ком не знают...

– У меня была еще пара встреч с девушками, и удивляться их неведению не приходится. У них своя жизнь, на ранчо приезжают только с лошадьми поиграть и с матерью видятся нечасто, даже если она там бывает.

– Девочки работают?

– Разве что над своим загаром. Типичная парочка избалованных детишек, но преступлением это пока не считается.

– Бойфренды на горизонте?

– Нет, только группа подростков, с которыми сестры тусуются еще со школы. Самая рискованная в группе – Лора Смит, та самая, которая стукнула папочкин «Бентли» и дважды за последние три года попадалась с «травкой». Папочка – Имго Смит, модный продюсер и заядлый тусовщик, так что девчонка просто берет с него пример.

– Как держатся сестрички?

– Они под серьезным стрессом. Эшли упомянула, что подумывает пройти курс терапии. Звонил адвокат, старик Коэн, спрашивал, когда я намерен снять запрет на операции с домом. Очевидно, Ричард подумывает продать его и взять свою долю из вырученной суммы, а не из акций и облигаций Урсулы. Никаких причин затягивать решение у меня не было, так что сегодня я ордер отозвал. Вот так-то, мальчики и девочки, если только вам нечего предложить для поддержания надежды.

– Могу предложить только одно: мужчина, с которым Урсула встречалась, но которого не записала в ежедневник. Например, потому что свидание прошло не очень хорошо. Или же это кто-то, кто сумел втиснуться в ее плотное азиатское расписание и от кого не защитило потом даже расстояние.

– Темные тайны Востока?.. Эй, я знаю, что делать. Попрошу шефа оплатить командировку в Азию, даже соглашусь довольствоваться бизнес-классом. С другой стороны, если не отрываться от земли, почему бы не поработать моделью в «Проекте “Подийм”»?.. А пока – сдаюсь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.